

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Электронные доказательства в гражданском процессе

Студент

Д.А. Калинкина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Кандидат политических наук Д.С. Горелик

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Содержание

Введение.....	3
1 Теоретические основы доказывания в гражданском процессе.....	7
1.1 Понятие доказывания и доказательств в гражданском процессе.....	7
1.2 Подходы к классификации доказательств в гражданском процессе.....	15
2 Использование электронных доказательств в гражданском процессе.....	28
2.1 Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе.....	28
2.2 Процессуальная деятельность по собиранию, представлению и исследованию электронных доказательств в гражданском процессе.....	38
2.3 Особенности оценки электронных доказательств в гражданском процесс.....	49
3 Проблемы и направления совершенствования правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе.....	57
3.1 Зарубежный опыт правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе.....	57
3.2 Проблемы и направления совершенствования правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе.....	70
Заключение.....	76
Список используемой литературы и используемых источников.....	79

Введение

Актуальность темы исследования. Вопросы правового регулирования доказывания и доказательств в российской системе судопроизводства традиционно занимают центральное место как в теоретических, так и прикладных исследованиях юридической науки. Процесс познания фактов действительности и формирование доказательств, происходящих в предусмотренном законом порядке, имеет важное практическое значение, поскольку в конечном счете направлен на решение традиционного противоречия между истцом и ответчиком, на формирование позиции суда, обеспечивающей реализацию конституционных прав на справедливое судебное разбирательство и судебную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Решение задач гражданского судопроизводства, связанных с правильным и своевременным рассмотрением и разрешением гражданских дел, требует формирования особого подхода к определению средств доказывания и правовому регулированию особенностей их представления и оценки в суде. Статья 55 ГПК РФ предполагает использование в гражданском процессе сведений, полученных «из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов» [22]. Развитие современных информационных технологий позволяет привлекать электронные доказательства, как письменное или аудио-/видео свидетельство тех или иных обстоятельств дела, однако их использование в юридическом процессе сопряжено с рядом проблем и требует более широкого изучения правовой стороны вопроса о возможности привлечения доказательств подобного рода и процесса их оценки судом.

Вопросы использования электронных доказательств в гражданском судопроизводстве связаны, прежде всего, с определением их правовой природы и места в системе средств доказывания в гражданском процессе.

Следует подчеркнуть, что не до конца решенными в условиях сложившейся системы правового регулирования и функционирования информационной инфраструктуры российского общества остаются проблемы идентификации и аутентификации электронных доказательств – указанное обстоятельство подчеркивает актуальность проблем относимости, допустимости и достоверности электронных доказательств в гражданском процессе.

Степень разработанности темы.

Теоретические основы доказывания, а также проблемы классификации доказательств в гражданском процессе рассмотрены М.Ю. Лебедевым, И.В. Решетниковой, Н.В. Соколовой, Д.А. Сухановым и др.

Общие вопросы теоретического характера о правовой природе электронных доказательств в гражданском процессе изучены в работах В.В. Захаренко, О.С. Смолиной. Проблемы привлечения электронных доказательств рассмотрены Е.А. Наховой, Д.В. Седельниковой и др. В свою очередь, особенности оценки электронных доказательств исследованы в работах М.В. Горелова, А.С. Дерябиной, Л.В. Зайцевой, А.С. Салманидиной, Н.В. Суховой и др.

Зарубежный опыт правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе представлен в виде кейсов в различных информационных изданиях. Отдельные проблемные вопросы и направления совершенствования правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе отмечены в работах В.В. Котляровой, Н.В. Соколовой, Д.А. Суханова и др.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе доказывания при рассмотрении гражданского дела.

Предмет исследования составляет правовое регулирование электронных доказательств в гражданском процессе в Российской Федерации.

Цель исследования состоит в теоретическом изучении правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе в Российской Федерации.

Достижение поставленной цели предопределило необходимость решения следующих задач:

- определить сущность доказывания и доказательств в гражданском процессе;
- рассмотреть подходы к классификации доказательств в гражданском процессе и сущность средств доказывания;
- изучить правовую природу электронных доказательств в гражданском процессе;
- определить специфику процессуальной деятельности по собиранию, представлению и исследованию электронных доказательств, а также специфику их оценки судом при рассмотрении гражданского дела;
- изучить лучшие зарубежные практики правового регулирования вопросов использования и оценки электронных доказательств в гражданском процессе;
- сформулировать направления совершенствования правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе.

Теоретико-методологическая основа исследования.

В ходе написания работы был изучен комплекс диссертационных исследований и авторефератов, монографий, учебных пособий и научных статей по вопросам правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе.

Методы исследования: анализ нормативно-правовых актов и литературы, обобщение, систематизация, индукция, дедукция, компаративный метод, метод вторичного анализа.

Эмпирической базой исследования являются нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы привлечения и оценки электронных доказательств в гражданском процессе.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов. Теоретическая значимость исследования связана с обобщением особенностей процессуальной деятельности по собиранию, представлению и исследованию электронных доказательств, а также особенностей их оценки судом в гражданском процессе.

Структура и объем выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. ВКР изложена на 76 страницах, библиографический список включает 102 наименования.

1 Теоретические основы доказывания в гражданском процессе

1.1 Понятие доказывания и доказательств в гражданском процессе

Доказывание является одним из основных институтов гражданского процесса, в то время как доказательства являются его неотъемлемой частью, единственным объективным средством формирования представления о тех или иных событиях и процессах, относящихся к делу. Вместе с тем, исследование теоретической литературы, посвященной проблемам определения правовой природы и сущности доказывания и доказательств в гражданском процессе позволяет сделать вывод, что данные элементы судопроизводства традиционно рассматриваются как одни из наиболее сложных и дискуссионных в процессуальном праве.

Статьей 56 ГПК РФ установлена обязанность доказывания, в соответствии с которой «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом»[22].

Правовая природа доказывания происходит из общего определения сущности данного процесса в общественной жизни. Так, глагол «доказать» наиболее часто употребляется в следующих значениях[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа., с. 147]:

- подтвердить какое-нибудь положение фактами или доводами;
- вывести какое-нибудь положение на основе системы умозаключений.

Прежде всего, целесообразно обозначить место и роль доказательств и доказывания в системе права. Анализ структуры гражданского процессуального законодательства свидетельствует об отнесении доказывания к институту общей части гражданского процессуального права.

Так, процессуальный характер и закрепление общих норм о доказательствах нашли отражение в рамках 6 главы ГПК РФ (общая часть).

Система правовых положений, характеризующих институт доказательства, закрепила юридическое значение доказательств и их виды, определила обязанность доказывания, положения об относимости и допустимости доказательств, а также определила особенности их оценки и обеспечения. Говоря о структуре правовых норм, следует указать на их универсальный характер и возможность применения при рассмотрении и разрешении любого гражданского дела, а также на распространение в отношении данных норм действия гражданско-процессуальной формы [72, с. 19].

В свою очередь доказывание в каждом отдельном случае характеризуется собственным предметом доказывания, оно обладает особенностями в распределении обязанности доказывания, допустимости доказательств. Говоря о сущности института доказывания, необходимо иметь в виду, что его тесная взаимосвязь с материальным правом обуславливает его подвижность, учитывая постоянную динамику развития гражданско-правовых отношений в целом.

Обобщая характерные черты правового регулирования доказывания в гражданском процессе, И.В. Решетникова отмечает, что нормы о доказательствах в рамках гражданского процессуального права имеют общий и специальный характер. Общие нормы закреплены соответственно в общей части названной отрасли права, специальные – в особенной [72, с. 19].

Особый взгляд на природу доказывания сложился в процессуальной науке. Во-первых, следует подчеркнуть, что современное российское процессуальное законодательство не содержит прямого указания на определение судебного доказывания, несмотря на то, что глава 6 ГПК РФ регулирует основные положения, касающиеся доказательств и доказывания.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что в современной литературе сложилось несколько подходов к лексическому толкованию правовой материи доказывания. И.В. Решетникова под доказыванием предлагает понимать как двуединый процесс «приведения фактов, доводов,

подтверждающих что-то, и умозаключения, путем которого выводится новое положение»[72, с. 24]. Таким образом, доказывание представляет собой, с одной стороны, процесс обоснования какого-то положения, а с другой – выведение нового знания на основе исследованного.

Иной взгляд на природу доказывания выражен С.Ф. Афанасьевым, который предлагает рассматривать доказывание как опосредованную форму судебного познания обстоятельств гражданского дела, которая обладает определенной структурой и имеет устойчивую «имманентную взаимосвязь элементов»[41, с.74].

Ключевым является вопрос об определении структуры гражданского процессуального доказывания – к числу основных элементов принято относить субъекты, объекты и содержание доказывания.

В научной литературе также особое место отводится вопросам определения специфических характеристик гражданского процессуального доказывания. И.В. Решетникова выделяет следующие специфические черты[73, с. 186]:

- доказывание в суде законодательно урегулировано, при этом законодательная урегулированность обладает характером всеобщности;
- детальность правовой регламентации;
- универсальность процессуальной формы доказывания;
- императивность процессуальной формы доказывания;
- подчиненность доказывания принципам гражданского процесса;
- доказыванию в суде свойственны ретроспективность, реконструктивность и комплексность.

К числу основных признаков субъекта доказательственной деятельности традиционно относят существование обязанности по доказыванию, право на постоянное участие в доказывании, наличие материально-правовой и (или) процессуально-правовой заинтересованности

в исходе дел[73, с. 188]. Анализ положений ст. 5 и гл. 4 ГПК РФ позволяют к числу субъектов доказывания в гражданском процессе отнести:

- суды, рассматривающие дела;
- лица, участвующие в деле, к которым в силу закона относятся стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения;
- лица, содействующие осуществлению правосудия (свидетели, переводчики, эксперты, представители сторон).

Более однозначный подход в литературе сформулирован по вопросу определения объекта доказывания: к числу таковых относятся «обстоятельства, подлежащие установлению для разрешения гражданского дела или для совершения отдельного процессуального действия»[73, с. 188].

Важно отметить, что ГПК РФ, как и иные процессуальные кодексы, не закрепил дефиницию предмета доказывания. Вместе с тем, ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, определяя понятие доказательств, говорит о том, что суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела[22]. Практически это и есть определение предмета доказывания.

Характеризуя правовую природу института доказывания, следует определить его основные этапы.

Прежде всего, осуществляется утверждение заинтересованных лиц о фактах, лежащих в основе заявленных требований и возражений. Пунктом 2 статьи 56 ГПК РФ установлено, что суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, а также имеет право выносить обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Второй этап предполагает доказывание при подготовке дела. Структура этого этапа включает не только определение предмета доказывания, но также

и деятельность по поиску, собиранию и представлению в суд доказательств, имеющих отношение к рассматриваемому делу. Отметим, что целесообразной является также первичная оценка собранных доказательств на соответствие их допустимости и относимости к материалам дела.

Следующий этап связан с исследованием доказательств при рассмотрении дела: в рамках данного положения важно подчеркнуть, что в результате предварительной оценки доказательств на предыдущем этапе, могут быть собраны недостающие доказательства, а также возможно изменение предмета доказывания.

Оценка доказательств, как заключительная стадия гражданского процесса имеет решающее значение: именно на этом этапе принимается результирующее решение.

И.В. Решетникова отмечает, что в рамках пересмотра судебных актов и в исполнительном производстве функционирует аналогичная схема гражданского процессуального доказывания[73, с. 189].

Следует иметь в виду, что рассмотрение сущности доказывания находится в неразрывной связи с определением сущности доказательств в гражданском процессе. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ гарантирует сторонам гражданского процесса всестороннюю, полную и объективную оценку доказательств судом[73, с. 189].

Во-вторых, значимым является вопрос о природе доказательств как особой юридической категории, в соответствии с чем будет осуществляться дальнейшее рассмотрение структуры доказательств и сущность средств доказывания. М.А. Фокина отмечает, что в настоящее время в теории доказательственного права можно выделить три базовых подхода, характеризующих место и роль доказательств и средств доказывания[41, с. 229]:

- Судебными доказательствами являются фактические данные, с помощью которых в определенном законом порядке суд устанавливает

неизвестные искомые факты.

- Доказательствами являются факты действительности и процессуальные средства их установления (средства доказывания или источники доказательств).
- Судебные доказательства – это единое понятие, в котором взаимосвязаны сведения о фактах и средства доказывания как содержание и процессуальная форма.

В соответствии с п. 1 ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу признаются «полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела»[22].

Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле, но с учетом характера правоотношений сторон и нормы материального права, регуливающей спорные правоотношения[50].

Анализ изложенной правовой позиции в отношении природы доказательств в гражданском процессе позволяет идентифицировать ряд признаков доказательств, а именно:

- доказательства представляют собой сведения о фактах;
- установлена взаимосвязь доказательств с предметом доказывания;
- закреплена процессуальная (законодательная) форма получения и исследования доказательств.

При этом следует подчеркнуть необходимость системного проявления всех признаков, в противном случае это является свидетельством о невозможности использования доказательств.

Также следует указать на непростой характер природы доказательств, что формирует потребность в разграничении некоторых терминов. И.В. Решетникова указывает на проблемный характер доступа суда к необходимым для осуществления полного и всестороннего исследования

доказательств данным. В связи с этим, по мнению автора, целесообразным является обращение к так называемым «доказательственным» фактам, которые принято рассматривать в качестве побочных, однако именно при помощи них в результате логической операционализации могут быть получены интересующие суд (конечные, искомые) факты[20, с. 285]. При этом в числе типичных примеров, которые иллюстрируют раскрытие подобных доказательственных фактов, может быть названо алиби.

В свою очередь, В.А. Нахова, проводя разграничение между искомыми и доказательственными фактами подчеркивает вспомогательную роль последних. По мнению автора, первые являются отражением предмета судебного доказывания, тогда как вторые (доказательственные факты) играют второстепенную роль, поскольку служат средством установления искомого факта, что обусловлено их правовой природой[44, с. 56].

И.В. Решетникова рассматривает также некоторые специфические особенности доказательственных фактов, отмечая, что они характеризуются тем, что:

- обычно нуждаются в подтверждении доказательствами;
- сами используются как подтверждающие существование интересующих суд доказательств (после определения их достоверности),
- осуществляют роль своеобразного посредника между средствами доказывания и юридическими фактами, являющимися предметом доказывания[20, с. 285].

Обобщение изложенных позиций позволяет сделать вывод о том, что фактические данные, выступающие в роли доказательств, могут быть в виде сведений об интересующих суд фактах (т.е., собственно доказательства), либо в виде доказательственных фактов.

Особое внимание должно быть также уделено вопросу идентификации определенной формы, в которой могут быть получены сведения о фактах. Разграничение фактов и доказательств происходит на основе

законодательного установления средств доказывания. Так, ч. 2 ст. 55 ГПК РФ определено, что данные сведения могут иметь различные источники и, в частности могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Законодательно определенные средства доказывания являются, своего рода, выражением внутреннего контура системы гражданского производства, в то время как внешним контуром принято считать связь с иными системами гражданского процесса. М.А. Фокина выделяет четыре ключевых вида взаимодействий в такой системе: «подтверждение, дополнение, противоречие, заменяемость»[41, с. 301].

Вместе с тем, более широкий взгляд на систему средств доказывания представлен в исследовании А.Т. Боннера, главной идеей которого стал отказ от исчерпывающего перечня средств доказывания в процессуальном законодательстве, что позволит использовать в качестве доказательств самые разнообразные современные средства информации[9, с. 512]. Данный вывод подчеркивает, в частности, актуальность вопросов развития практики использования электронных доказательств в гражданском процессе.

В заключение следует также отметить, что сформированный комплекс средств доказывания характеризуется рядом функциональных возможностей:

- выступает средством судебного познания;
- является процессуальным оформлением доказательственной информации;
- предназначена для установления фактических обстоятельств дела[41, с. 302].

Итак, обращение к теоретическим основам доказывания в гражданском процессе позволяет сделать вывод об актуальности данной проблемы в современной юридической теории и практике в связи с тем, что ни одно гражданское дело не может быть разрешено без доказывания. Комплексное исследование общих теоретических проблем методологии свидетельствует

о существовании некоторых различий в подходах к определению сущности доказывания и доказательств в гражданском процессе, определения системы целей доказывания и ключевых функций доказывания в современном судопроизводстве. В то же время, во многом дискуссионными остаются вопросы определения места отдельных видов доказательств в их общей структуре: прежде всего, появившихся в ходе эволюции общественных отношений и сформировавших относительно новые судебные подходы.

1.2 Подходы к классификации доказательств в гражданском процессе

В числе ключевых вопросов теоретического осмысления роли доказательств в гражданском процессе находится проблема их классификации. В доктрине гражданского процессуального права сформировался классический подход, в соответствии с которым в числе базовых оснований для классификации рассматриваются характер связи доказательств с обстоятельствами дела, источник формирования, а также процесс формирования доказательства[72, с. 78], однако анализ современной юридической литературы свидетельствует о существовании значительной дифференциации подходов к определению структуры доказательств в разрезе каждого из предложенных оснований.

Характер связи доказательства с обстоятельствами дела предполагает определение прямых или косвенных доказательств, связанных с рассмотрением конкретного дела. Непосредственно связанное с устанавливаемыми обстоятельствами дела доказательство, которое подтверждает наличие какого-либо факта или отношения, принято считать прямым. К числу таковых, например, могут быть отнесены договор купли-продажи, являющийся письменным свидетельством факта совершения сделки между продавцом и покупателем или, например, свидетельство о

регистрации брака как письменная форма отражения отношений между супругами.

Вместе с тем, на практике связь между доказательством и устанавливаемым обстоятельством дела может быть значительно более сложной, то есть из приведенного доказательства не следует прямой однозначный вывод о наличии или отсутствии какого-либо обстоятельства, а усматривается лишь возможность предполагать несколько выводов. Доказательства данного рода, при помощи которых невозможно сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии какого-либо факта или отношения, получило название «косвенных». Примером подобного доказательства может служить использование свидетельских показаний о совместном проживании супругов, либо привлечение выписки из домовой книги при установлении гражданского статуса совместно проживающей пары, когда по различным причинам отсутствуют соответствующие прямые доказательства в виде свидетельства о заключении брака и наличия соответствующих записей в книге регистрации актов гражданского состояния.

С.В. Курылев, говоря о природе каждого из видов доказательств при их классификации по характеру связи с обстоятельствами дела, отмечал, что «прямое доказательство – это такой известный факт, который в силу его однозначной связи с неизвестным фактом даёт возможность сделать лишь один вывод о неизвестном факте – о наличии его либо отсутствии; косвенное доказательство – это, наоборот, факт, дающий в силу многозначности его связей возможность для различных вероятных выводов»[42, с. 412].

Иной взгляд на этот вопрос выражен в исследованиях Н.А. Чечиной. Автор настаивает на цепном подходе при использовании косвенных доказательств, при этом целью каждого из элементов данной цепи является «сокращение числа связей»[21, с. 188]. Именно последовательный характер рассмотрения косвенных доказательств, которые в конечном счете обладают

свойством дискретности ввиду возможности определения на их основе однозначного заключения, может привести суд к достоверным выводам.

Характер связи доказательства с обстоятельствами дела может также быть выражен через обращение к фактологической стороне дела. В частности, подобный подход развивает в своих работах А.И. Трусов, отмечая, что «доказательства называются прямыми, когда они прямо указывают на главный факт, то есть когда они устанавливают юридические факты; к косвенным относятся доказательства, которые прямо не указывают на главный факт, а устанавливают лишь побочные обстоятельства (его признаки), которые в их совокупности и взаимосвязи позволяют сделать вывод о юридических фактах»[82, с. 68]. Таким образом, в центре внимания находится не вопрос о связи фактов с обстоятельствами дела, а о соотношении приведенных доказательств с главным фактом.

Вместе с тем, подобный подход был подвергнут критике: например, А.Т. Боннер указал на тавтологичность определения термина через слово, которое составляет основу определяемого термина, а также недопустимость использования типичного для традиционного подхода (в основе которого определение связи между фактами и обстоятельствами дела) терминологического поля, а именно – термина «непосредственно»[9, с. 18].

В отечественной литературе встречаются и отличные от указанных точек зрения подходы на природу прямых и косвенных доказательств. В исследованиях Ю.К. Осипова ключевое внимание уделяется тому, какой вывод может быть сделан на основе привлечения тех или иных доказательств: в случае приведения прямых доказательств наблюдается наличие однозначной необратимой связи с доводом, тогда как использование косвенного доказательства позволяет сделать «лишь предположительный вывод о существовании доказываемого факта»[59, с. 45]. Вместе с тем, критический анализ подобных рассуждений указывает на тавтологичность определения прямых доказательств, а также невозможность принятия позиции, в соответствии с которой не выполняется обеспечение такого

базового критерия доказательств, как его достоверность и, соответственно, получение единственно достоверного вывода в рамках судебного разбирательства.

Рассматривая классический подход к характеру связи доказательств с обстоятельствами дела с выделением соответственно группы прямых и косвенных доказательств, Д.И. Смольников проводит сравнительно-правовое исследование, выделяя следующие типичные подходы к определению природы прямых и косвенных доказательств: «теория связей», «теория фактов», иные теории в отечественной доктрине («теория выводов»)[77, с. 45-51]. Таким образом, в рамках первой теории признается существование многозначной связи косвенных доказательств с доказываемым фактом, в теории фактов косвенные доказательства рассматриваются как вид доказательства, которые содержат определенные сведения о доказываемом факте, однако нахождение искомого факта осуществляется на основании умозаключения.

В рамках следующего основания для классификации доказательств в гражданском процессе выступает источник формирования доказательств. И.В. Решетникова выделяет две основные группы в рамках этого основания – личные доказательства и вещественные[72, с. 82].

В первом случае доказательства характеризуются существованием неразрывной связи с человеком, тогда как вещественные доказательства ассоциированы тем или иным физическим носителем – предметом, который по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или по иным признакам «может служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела»[22]. Структуру личных доказательств формируют свидетельские показания, объяснения сторон и третьих лиц. В свою очередь к вещественным доказательствам И.В. Решетникова относит, например: «письменные, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи»[72, с. 82].

Необходимо указать на существование некоторой вариации при определении отдельных видов доказательств: одновременно с тем то, что ГПК РФ письменные и вещественные доказательства относит к самостоятельным средствам доказывания, анализ юридической литературы свидетельствует о различиях во взглядах на их природу и место в структуре классификации доказательств соответственно.

В частности, А.А. Власов указывает на невозможность разграничения письменных доказательств между группой вещественных или личных доказательств, поскольку первые в силу своей правовой природы «представляют собой неразрывное единство содержательного, как правило, связанного с личностью исполнителя, и предметного компонентов»[14, с. 10]. Зачастую очевидным является взаимовлияние личностного и предметного факторов, в то время как неотторжимой является идея о возможности привлечения одного и того же доказательства (в частности, письменного документа) как в качестве вещественного доказательства, так и в качестве письменного в зависимости от обстоятельств дела.

В то же время К.С. Юдельсон является сторонником взглядов на письменные доказательства как принадлежащие к числу личных доказательств, аргументируя свою позицию тем, что первые всегда исходят от конкретного лица, то есть вопрос о закреплении на материальном носителе носит второстепенный характер[23, с. 180].

Особое место в классификации доказательств по источнику формирования доказательств занимает экспертное заключение, которое отражает описание результатов проведенного исследования структуры и особенностей доказательства. С одной стороны, письменная форма закрепления экспертного заключения характеризует данное средство доказательства как письменное доказательство, но, с другой стороны, проведение допроса эксперта в судебном заседании предполагает личный характер участия конкретного индивида, что говорит также о возможности рассмотрения данного доказательства в качестве личного. В связи

указанными обстоятельства, И.В. Решетникова отмечает, что «проверка достоверности заключения эксперта может соединять черты проверки письменных и личных доказательств»[79, с. 42].

Наконец, в рамках третьего основания – определения процесса формирования доказательства – принято выделять первоначальные и производные доказательства. Первая группа непосредственно связана с источником доказательств, то есть предполагает первичное обращение к таковому (примерами могут служить оригинал договора, показания свидетеля и т.д.). Вторая же группа, напротив, включает доказательства, основой которой является вторичной восприятие тех или иных фактов или события (копия договора или показания свидетеля со слов очевидца).

М.А. Фокина, говоря о роли каждого из видов доказательств в соответствии с процессом их формирования, отмечает недопустимость ограничений в отношении какого-либо из них. Несмотря на то, что производные доказательства более отдалены от исковых фактов, о которых они тем не менее свидетельствуют, их ценность определяется возможностью оценки достоверности первоначальных доказательств. В то же время, первоначальные доказательства, характеризующиеся более очевидной взаимосвязью с доказываемым фактом, тем не менее, нуждаются в дополнительной проверке[40, с. 243].

Обращают на себя внимание варианты классификации по иным основаниям. Например, М.К. Треушников в качестве основания для деления доказательств предлагает использовать субъективный признак – то есть по правовой позиции стороны, которая предоставляет эти доказательства[17, с. 111]:

- доказательства, представленные в подтверждение основания иска;
- доказательства, представленные в обоснование возражений против иска.

Альтернативный подход к систематизации доказательств, отождествляемых со средствами доказывания, определенных п. 1 ст. 55 ГПК РФ предлагает использовать О.В. Бабарыкина[з, с. 31-32]:

- группа доказательств, обособленная по процессуальной форме источников: вещественные, письменные, устные виды доказательств;
- группа доказательств, обособленная по субъектному составу: истцовые, ответные, судебные виды доказательств.

Более сложными являются вопросы отнесения к определенным группам средств доказывания, которые появились в ходе эволюции развития общества и общественных отношений: в частности, к таковым могут быть отнесены электронные (цифровые) доказательства. В гражданском процессе сложилось три основных взгляда на место этой группы доказательств: с одной стороны, возможным видится однозначное отнесение этой группы к письменным доказательствам, разделяя их на рукописные, машинописные, графические и электронные. Подгруппа электронных доказательств характеризуется наличием особой формы, которая определена специфическими способами фиксации, обработки и передачи таких доказательств (с использованием технических и информационно-коммуникационных средств), и, вместе с тем, указанные особенности не изменяют сущности закреплённой на электронных носителях информации[17, с. 384].

Второй подход связан с определением электронных доказательств в качестве вещественных, однако иногда встречается и взгляд на них как объекты выражения письменно-вещественной природы. Наконец, третье мнение основано на идее о самостоятельности электронных доказательств как средства доказывания – в этом контексте «технологические» аргументы по силе и объёму заметно превосходят правовые»[17, с. 384].

Таким образом, проблема определения структуры доказательств в гражданском процессе занимает одно из центральных мест в современной юридической литературе. С одной стороны, к текущему периоду

сформированы классические подходы к определению оснований классификации доказательств, но, с другой стороны, проведенный анализ свидетельствует о существовании некоторой дифференциации в определении состава элементов каждой из групп. Изучение теоретических оснований классификации доказательств служит эффективному применению данных знаний в практической деятельности: отнесение доказательств к той или иной группе позволяет сфокусировать внимание на определенных особенностях представления и оценки конкретного доказательства, что способствует полному и достоверному исследованию обстоятельств и фактов в судебном процессе.

Ключевое значение для принятия обоснованного решения имеет полная, всесторонняя оценка судом доказательств, в связи с чем, говоря о подходах к классификации доказательств, следует также затронуть вопрос об их основных характеристиках.

Во-первых, структуру классических параметров, характеризующих объем представленного материала в виде доказательств, определяют свойства относимости и допустимости таких средств доказывания.

В соответствии со ст. 59 ГПК РФ суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела. Отличительным признаком необходимых доказательств является их относимость. Таким образом, относимость доказательств может быть выражена как их причастность, значимость для дела. В.В. Молчанов отмечает, что относимость в гражданском процессуальном праве может рассматриваться с трех позиций:

- свойство судебного доказательства;
- процессуальное правило, согласно которому суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела;
- количественная мера, характеризующая степень полноты и достаточности доказательственного материала, что позволяет

своевременно корректировать содержимое состава доказательства для объективного рассмотрения дела [21, с. 145].

Характеризуя содержание относимости как одного из базовых свойств, отметим, что его принято рассматривать с двух позиций – в рамках узкого и широкого подхода. В соответствии со ст. 59 ГПК РФ под относимыми доказательствами принято понимать те из них, которые имеют значение для дела, тогда как ст. 55 указанного Кодекса определяет доказательства как фактические данные, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Исследование правовых норм свидетельствует о различии в определении мер правового регулирования: так, ст. 59 ГПК РФ предполагает использование обстоятельств, «которые имеют значение для дела»[22], тогда как в ст. 55 ГПК РФ речь идет об обстоятельствах, которые «имеют значение для правильного рассмотрения и разрешения дела», что формирует соответственно широкий и узкий подходы.

Необходимо обратить внимание на тесную взаимосвязь относимости доказательств с проблемой обеспечения необходимых доказательств: установление обстоятельств дела возможно лишь в том случае, если суду будут представлены определенные доказательства, явно свидетельствующие на конкретные факты по рассматриваемому делу, говоря иначе, требуется привлечь необходимые доказательства.

Решение вопроса о необходимых доказательствах во многом определены в рамках сложившейся системы правового регулирования – здесь, в первую очередь, речь идет о необходимых средствах доказывания. К таковым в настоящем периоде «относят письменные доказательства и - в редких случаях - заключение эксперта»[41, с. 251]. Важно также указать на установление приоритета письменных доказательств, что обусловлено практическими соображениями – таким образом обеспечивается

непосредственное подкрепление решений или действий соответствующими документами.

Более того, изучение современной литературы позволяет сделать вывод о том, что зачастую категории письменных и необходимых доказательств используются как равнозначные. Например, по мнению А.С. Козлов обозначенная предпосылка делает возможным рассмотрение необходимых доказательств как «такие конкретные доказательства (вид документа, заключение эксперта), без которых дело не может быть назначено к судебному разбирательству, рассмотрено и разрешено по существу»[35, с. 21].

Говоря о значении относимости как базовой характеристики доказательств в рамках состязательного судопроизводства, необходимо подчеркнуть первостепенное значение данного признака, поскольку относимость доказательств[41, с. 253]:

- конкретизирует состязательное начало в процессе формирования доказательственного материала;
- является эффективным средством предупреждения недобросовестного поведения сторон и их представителей при представлении доказательств.

Вместе с тем, содержание и форма судебных доказательств неотделимы друг от друга. Статьей 60 ГПК РФ определено, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

В юридической литературе сложилось несколько подходов к пониманию сущности и, соответственно, значения допустимости в гражданском процессе. В числе исследователей, разделяющих взгляды на допустимость как базовый принцип гражданского процесса, можно отметить А.Г. Прохорова, в работах которого высказывается идея о том, что правило допустимости средств доказывания выражает «одну

из определяющих идей, которая лежит в основе доказательственной деятельности субъектов судопроизводства и направлена на установление истины по делу. Поэтому есть все основания рассматривать его как принцип права»[63, с. 8-10]. Однако М.К. Треушников полагал, что подобный подход чрезмерен, а допустимость должна характеризоваться как «начало представления, исследования и оценки доказательств на всех стадиях гражданского и арбитражного процессов»[81, с. 61], в соответствии с чем возможным видится ее представление в качестве принципа доказывания.

Содержание допустимости принято рассматривать через систему требований к данной правовой характеристике. Так, по мнению И.В. Решетниковой, структуру базовых свойств (или требований) определяют положения о том, что доказательство должно, во-первых, быть релевантным, то есть относиться к делу, а, во-вторых, должно быть получено и исследовано в соответствии с определенными правилами соответствия законодательству, с помощью указанных в законе средств доказывания[79, с. 46].

В современной юридической науке выделяют два подхода, определяющих специальный характер допустимости:

- с одной стороны, она может быть выражена через позитивное понимание, то есть те правила, которые предписывают использование определенных доказательств для установления обстоятельств дела;
- с другой стороны, указывают на существование негативной допустимости, которая в силу своего правового характера устанавливает определенные запреты по использованию доказательств.

Типичным примером позитивной допустимости может рассматриваться подтверждение информации по банковскому счету вкладчика соответствующей выпиской или иным документом банка, в котором и был открыт вклад, что в частности, нашло отражение в положениях Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности в Российской Федерации»[48]. В свою очередь

негативный характер допустимости можно проиллюстрировать с помощью обращения к нормам о последствиях несоблюдения простой письменной формы сделки. Если сделка заключена с нарушением простой письменной формы, то согласно ст. 162 ГК РФ в случае спора стороны лишаются права ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания.

Таким образом, значение допустимости доказательств в гражданском процессе состоит в урегулировании процесса получения доказательств в соответствии с определенным законом порядком по их собиранию, представлению и исследованию. При этом несоблюдение установленных норм правового регулирования приводит к недопустимости доказательств.

Наряду с такими характеристиками, как относимость и допустимость доказательств, следует также упомянуть о достоверности и достаточности доказательств как их основных признаках. Текущая редакция ГПК РФ не содержит прямого терминологического закрепления данных понятий, однако их значимость в организации гражданского процесса, тем не менее, является очевидной. Достоверность доказательства является отражением его качества, то есть точности, правильности отражения обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Процесс оценки достоверности доказательств является сложным, в современной литературе выделяют следующие основные характеристики, которые позволяют проверить достоверность доказательства:

- доброкачественность источника информации как гарант достоверности;
- сопоставлением смыслового содержания доказательств с иными доказательствами дела;
- соотношение рассматриваемого доказательства с общей картиной дела, то есть всей совокупностью имеющих к этому делу отношение доказательств[20, с. 204].

Если относимость, допустимость, достоверность доказательств оцениваются на любой стадии гражданского процесса, то достаточность доказательств, выступая четвертой фундаментальной характеристикой доказательств в гражданском процессе, в основном определяется при разрешении дела или процессуального вопроса (обеспечение иска, приостановление производства по делу и пр.). Структура базовых требований к доказательствам в гражданском процессе определяет процессуальные особенности их исследования

И.В. Решетникова отмечает, что достаточность доказательств следует рассматривать как «качество совокупности имеющихся доказательств, необходимых для разрешения дела»[37, с. 108]. Решение вопроса о достаточности не лежит в плоскости однозначных ответов – принять решение о достаточности приведенного доказательств можно лишь в конкретном случае, ответив на вопрос о возможности суда разрешить дело.

Юридическим отражением положений о достаточности доказательств можно считать закрепленные ч. 7 ст. 67 ГПК РФ нормы, в соответствии с которыми суд не может считать доказанными обстоятельства, подтверждаемые только копией документа или иного письменного доказательства, если утрачен и не передан суду оригинал документа, и представленные каждой из спорящих сторон копии этого документа не тождественны между собой, и невозможно установить подлинное содержание оригинала документа с помощью других доказательств.

Итак, изучение сущности и подходов к классификации доказательств в гражданском процессе должно сопровождаться определением их базовых юридических характеристик. Установлено, что положения ГПК РФ определяют необходимость учета таких параметров, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств – соответствие указанным требованиям позволяет обеспечить более эффективное исследование доказательств, и, в конечном счете, приводит к принятию правильного решения судебными органами.

2 Использование электронных доказательств в гражданском процессе

2.1 Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе

Исследование теоретических вопросов доказывания в гражданском процессе позволило сделать вывод о высокой степени развитости системы средств доказывания, однако актуальными остаются проблемы классификации отдельных видов доказательств в гражданском процессе. К числу последних, в частности, относятся электронные доказательства, приобретающие все большее значение в доказательственном праве ввиду постоянного развития информационных технологий и, соответственно, способов закрепления информации.

Говоря об информации как объекте правовых отношений, важно подчеркнуть, что в рамках доказательственного процесса такие сведения могут быть представлены на различных электронных носителях, а также в виде распечатки из электронных систем (электронной почты, социальной сети, Интернет страниц и т.д.). Обзор современных исследований по вопросам собирания, представления и оценке соответствующих материалов указывает на значительную дифференциацию подходов к определению данного вида доказательств: «доказательства, полученные с помощью технических средств»[10, с. 19-23], «машинные документы» [9, с. 231-234], «электронные документы»[11, 28] и «электронные доказательства»[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа., 29].

По мнению Е.А. Наховой, в наиболее общем виде система доказательств на электронных носителях может включать:

- электронные доказательства;
- электронные документы;
- аудио- и видеозаписи[45, с. 84].

Первую группу образуют соответственно документы, происхождение которых связано с возможностями электронной или иной связи, включая возможности сети Интернет. Частными примерами электронных доказательств, наряду с сообщениями различной природы (электронными, СМС, ММС-сообщениями и т.д.), могут выступать лог-файлы сервера провайдера, лог-файлы хостинг-провайдера, отчеты поисковых систем, статистические интернет-сервисы, информация, характеризующая особенности функционирования домена в Интернете[45, с. 84].

Ко второй группе относятся документы, которые были подписаны с помощью электронной цифровой подписи, а также соответствующие электронные образы этих документов.

Наконец, третья группа включает различные аудио- и видеоматериалы, фотоматериалы и т.д.

Таким образом, в настоящее время в процессуальной науке не сформировано единого подхода к определению сущности электронных доказательств, более того, не определены базовые критерии, позволяющие их идентифицировать. Вместе с тем, законодательством закреплены такие понятия, как «электронный документ» и «электронная цифровая подпись», имеющие непосредственное отношение к вопросам идентификации и аутентификации электронных доказательств.

Пунктом 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определено, что электронный документ представляет собой «документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»[53].

Определение сущности электронного документа в контексте гражданско-правовых правоотношений стало возможным после принятия

Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ, включившего в ст. 434 ГК РФ сведения об электронном документе применительно к письменной форме договоров: электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Можно заметить, что в отличие от унифицированного подхода в рамках Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в гражданском праве используется более широкий взгляд на содержание электронного документа, не ограничивающийся исключительно электронными средствами.

Более того, в доказательственном праве к структуре отличительных характеристик электронного документа, помимо прочих, принято также относить свойство верифицируемости автора документа: например, С.П. Ворожбит утверждает, что «электронным документом в науке предлагается понимать информацию, зафиксированную на электронном носителе, имеющую необходимые реквизиты, позволяющие его идентифицировать и подтверждать обстоятельства, имеющие правовое значение»[15, с. 8].

Современное законодательство в качестве универсального способа идентификации личности автора документа в рамках совершения гражданско-правовых сделок и иных юридически значимых действий предписывает использование электронной (цифровой) подписи – «информации в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию»[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.].

Анализ правовых положений позволяет указать на существование двух видов подписей – простая и усиленная электронная, последняя, в свою

очередь бывает двух видов (усиленная неквалифицированная и усиленная квалифицированная электронная подпись)[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.]. Применение той или иной подписи позволяет установить автора документа, тогда как более сложными в практическом плане являются вопросы использования материалов, находящихся в открытом доступе, зачастую без возможности достоверного определения обладателя соответствующей информации.

Вместе с тем, определение юридических основ использования электронных документов не позволяет идентифицировать электронные доказательства как более широкое и прикладное понятие, в связи с чем в числе фундаментальных проблем остается определение их правовой природы. Анализ сложившихся подходов к решению данного вопроса позволяет, с одной стороны, указать на актуальность проблемы определения правовой природы электронных доказательств и, с другой стороны, на необходимость формирования юридической позиции по вопросу о создании и последующем использовании специальных правовых норм, обеспечивающих использование таких доказательств.

Процесс изучения правовой природы электронных доказательств позволяет сформулировать ряд критических замечания об исследуемом объекте. Проблема его категоризации может быть решена в рамках поиска ответов на два ключевых вопроса:

- Какие объективные свойства присущи исследуемому объекту?
- Какова его доказательственная ценность?

Приведение соответствующих доводов для данных вопросов позволяет очертить смысловую границу между письменными и вещественными доказательствами как основными категориями доказательств. Важно подчеркнуть, что в обоих случаях исследованию подлежит материальный объект, однако если доказательство относится к категории письменных, то внимание фокусируется на его нормативной достоверности и его внутреннем содержимом как основном объекте, в то время как для вещественных

доказательств превалирующее значение имеют их физические характеристики (состояние, местонахождение и т.д.). Представленные различия приводят также к выводу о том, что в ходе исследования доказательственной категории в отношении электронных доказательств практически игнорируются вопросы об их материальном происхождении, способе изготовления.

В современной литературе достаточно распространен подход, при котором отмечается необходимость особого правового регулирования использования электронных доказательств, исходя из особых подходов к изготовлению доказательств такого рода. В частности, М.В. Горелов указывает, что основное содержание электронного документа характеризует не только форма, но и специфический процесс, обеспечивающий создание такого документа посредством особого способа фиксации информации на материальном носителе, при этом основными отличительными чертами такой информации являются различие материальной основы, способа нанесения текста, его объем и быстрота обрабатываемости, возможность уничтожения, обезличенность, делимость от носителя и др. [Ошибка! Неизвестный аргумент ключа., с. 13].

Более того, представленная совокупность специфических характеристик электронного документа обуславливает, по мнению М.В. Горелова, необходимость специального правового регулирования процедур использования таких документов в качестве доказательств в гражданском процессе: «в ГПК РФ должна быть предусмотрена норма, регламентирующая общую процедуру порядка фиксации факта поступления электронного сообщения до адресата» [Ошибка! Неизвестный аргумент ключа., с. 13].

Говоря о невозможности рассмотрения электронных доказательств в рамках строго определенных юридических категорий письменных или вещественных доказательств, А.Т. Боннер апеллирует к тому, что источник информации в виде жесткого или съемного диска ПК «никоим образом

нельзя отнести к «письменному доказательству». Вряд ли его можно квалифицировать и в качестве вещественного доказательства. При определенных чертах сходства с последним он тем не менее обладает существенной спецификой»[9, с. 229]. В таком случае также целесообразна разработка особого регламента исследования электронных доказательств.

На дифференциацию возможных подходов при определении правовой природы электронных доказательств и необходимость совершенствования основ правового обеспечения представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе указывает также В.В. Котлярова: «совершенно очевидно, что вопрос признания электронных доказательств самостоятельными средствами доказывания и установления видов и критериев отнесения их к таковым уже давно требует нормативного разрешения»[39, с. 42]. При этом в качестве ключевого аргумента, свидетельствующего о действительной необходимости данных изменений автор называет потребность в адаптивности системы правового регулирования новым реалиям организации общественных отношений в информационном обществе, что позволило бы также сформировать единообразные подходы в судебной практике.

Однако, как отмечает М.В. Жижина, признание электронных доказательств в качестве самостоятельной категории в виде электронных документов требует «введение в основание классификации доказательств способа их изготовления. При этом для особой группы электронных доказательств оказываются уже недейственными основания отнесения объекта к письменным или вещественным доказательствам, что, несомненно, лишено всякого смысла»[28, с. 44]. Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что принимая к вниманию данный подход классификации доказательств представление в суде достоверного и подлинного документа повлечет исследование его в качестве письменного доказательства, тогда как наличие признаков подделки в этом документе укажет на вещественную доказательственную ценность.

В числе базовых характеристик электронных доказательств в современной литературе принято также указывать невозможность отрешения от необходимости обеспечения восприятия представленной информации человеком. При этом обработка такой информации может быть осуществлена как за счет предварительного распечатывания документа на бумажном носителе, так и за счет использования специальных аппаратно-программных комплексов, которые позволяют отразить содержимое документа. Указанное позволяет сделать вывод об отражении свойств документа либо как письменного, либо как вещественного доказательств – решение этого вопроса происходит в результате определения доказательственного значения конкретного документа.

По мнению М.В. Жижиной, электронный документ как доказательство «имеет сложную структуру, которая должна включать как электронно-цифровое содержание, так и возможность актуализации. Осмотр и исследование файлов в компьютерной сети - предмет не судебного, а экспертного исследования»[28, с. 45]. Структуру базовых свойств или критериев таких доказательств формируют классические свойства относимости, допустимости, достоверности. Однако важно учитывать ряд особенностей, связанных со спецификой выражения электронных доказательств как особой категории. Прежде всего, следует понимать, что восприятие информации, созданной с помощью информационно-коммуникационных технологий, возможно лишь в случае ее опосредованного выражения в письменно-речевой документированной форме.

Электронные доказательства как явление системное рассматривались также в работах А. Балашова и Е. Лейканд. По мнению авторов, «несмотря на то что электронный документ законодатель относит к письменным доказательствам, правильнее было бы считать его комбинацией письменного и вещественного доказательств в силу его смешанного характера»[5, с. 33].

В то же время, не единичны случаи определения смешанной природы электронных доказательств. В частности, С.П. Ворожбит, характеризуя особенности гражданского процесса, указывает на связь типа сохраненных данных, имеющих доказательственное значение, с вопросом определения их доказательственной категории. В числе последних он предлагает выделять письменные, вещественные доказательства, аудио- или видеозаписи[15, с. 8].

В доктрине гражданского процессуального права зачастую речь идет о так называемых нетрадиционных доказательствах. К их числу А.Т. Боннер относит, например, «электронный документ, информацию, полученную из Интернета, показания специальных технических средств средствами установления обстоятельств гражданских и арбитражных дел с не вполне определенным или неопределенным статусом»[9, с. 340-342].

Комплексный подход к вопросу о природе электронных доказательств предлагают также использовать М.Н. Зарубина, А.А. Павлов. Авторы отмечают, что при определении доказательственной ценности следует руководствоваться установлением конкретных целей привлечения отдельного взятого доказательства к рассматриваемому делу. В том случае, если рассматриваемое доказательство интересует суд как предмет в широком смысле слова (т.е. его физические, качественные и количественные параметры), то в данном случае это доказательство выступает вещественным. Необходимость оценки содержимого в виде сохраненных на нем аудио- или видео-сюжетов, записей разговора, позволяет классифицировать такие доказательства как аудио- или видеозаписи. Наконец, комплексное исследование такие параметров объекта, как смысловая нагрузка информации, зафиксированной на носителе, особенности материального носителя как средства, способствующего установлению его аутентификации и идентификации, позволяют идентифицировать его как письменное доказательство[30, с. 220].

Акцентируя внимание на проблемах отнесения документов к письменным или вещественным доказательствам, важно сделать ряд критических замечаний относительно природы документа как источника доказательственной информации в гражданском процессе.

М.В. Жижина подчеркивает, что специфика процедуры осмотра электронных доказательств в гражданском процессе характеризуется двойственностью доказательственного статуса объекта осмотра. С одной стороны, законодательные рамки позволяют рассматривать документ как элемент структуры письменных доказательств, в другой стороны, дуализм выражается в возможности исследования его как предмета – то есть конкретной вещи, которая обладает физическими характеристиками[28, с. 44].

Еще одним необходимым условием (качеством) письменного доказательства выступает достоверность содержащихся в нем сведений об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела и подлинность. Однако во многом дискуссионным остается вопрос о критериях перехода из категории письменных в вещественные доказательства.

В этом отношении вполне справедливым видится также замечание М.В. Жижиной, которая указывает на возможность причисления данного вида доказательств к категории вещественных по внешним признакам и свойствам, и, вместе с тем, дополнение указанной категории доказательств в случае, если для исследования представлен документ с признаками подделки или подлога: в этом случае исследованию подлежат не только материальные и физические характеристики объекта, но и его смысловое наполнение[28, с. 44].

Причисление последнего к числу вещественных доказательств на основе критерия неподлинности документа весьма оправданно, однако при анализе системы сложившихся правовых норм выделяются некоторые ограничения. Так, неоправданно зауженным видится трактование термина «предмет» как, закрепленного в ст. 73 ГПК РФ в рамках идентификации

вещественных доказательств как «вещи»[22]. Отсутствие соответствующих пояснений влечет возникновение неоправданного противопоставления «документ – вещь», вместо «документ – предмет».

Однако анализ литературы указывает также на существование узких подходов к определению правовой природы электронных доказательств.

Так, в исследованиях А.П. Вершинина, предполагается отнесение электронных документов к письменным доказательствам на основании соотношения формы закрепления информации и источника ее происхождения в виде внутреннего побуждения (выраженной посредством конкретной мысли) автора документа. Правовед предлагает исходить из того, что «сведения, которые содержатся в электронных документах, представляют собой человеческую мысль (понятия, суждения, умозаключения и т.д.) относительно существующей действительности»[13, с. 103]. В том случае, если документ материализован, например, в форме фотоснимка, то есть имеет отличную от вербального выражения собственных мыслей форму представления, то такой документ не может быть отнесен к категории письменных, а является вещественным.

Рассмотрение теоретической литературы позволяет указать на существование еще одного подхода, в соответствии с которым природа таких доказательств рассматривается лишь как вещественная. Возможность определения характерных черт в данном случае определяется тем, что электронные документы «недоступны человеческому восприятию, а служат лишь средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела»[4, с. 10].

Вместе с тем, подобное сужение объекта кажется не совсем оправданным. Ранее определенная система критериев и признаков электронных документов позволяет сделать вывод о целесообразности рассмотрения электронных документов в качестве письменных, вещественных доказательств или аудио-видео записей. Одновременно следует указать, что в своеобразная правовая природа подобных

доказательств при их исследовании в судебном заседании требует учета особенностей специфики их создания, определения носителей, а также представленных возможностей по дальнейшему использованию.

В системе исходных предпосылок принято также учитывать сложность структуры, специфику изготовления, хранения и использования информации, закрепленной на электронном носителе.

Итак, исследование вопроса о природе электронных доказательств указывает на существование широкого спектра сложившихся подходов к данному вопросу, однако очевидной является проблема ограниченности действующих стандартов доказывания. Значительный прогресс в технологическом характере форм фиксации отдельных фактов позволяет субъектам, участвующим в гражданском процессе, привлекать эти сведения в качестве доказательств, но сложившаяся неопределенность в вопросах определения их правовой природы порождает соответствующие ограничения в осуществлении процессуальной деятельности по собиранию, представлению исследованию, а также оценке электронных доказательств.

2.2 Процессуальная деятельность по собиранию, представлению и исследованию электронных доказательств в гражданском процессе

Исследование правовой природы электронных доказательств позволило сделать вывод об отсутствии унифицированного подхода к определению ее сущности. Вместе с тем, в условиях небесспорности данного вопроса актуальной является задача последовательного рассмотрения особенностей представления и исследования соответствующих доказательств.

По общему правилу доказательства на электронных носителях предъявляются в суд заинтересованными лицами, приобщаются судом к материалам дела по ходатайству лиц, участвующих в деле,

и их представителей. Такое ходатайство разрешается с учетом мнения лиц, участвующих в деле. Анализ положений ст. 58, 62, 64 - 65 ГПК РФ[22] позволяет сделать вывод о том, что формами введения доказательств на электронных носителях являются доказательства на электронных носителях в объективированном виде: протоколы осмотра судом, протоколы осмотра нотариусом.

Особое значение в вопросах правового регулирования процессуальных процедур использования электронных документов в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»[49].

Пункт 2 соответствующего Постановления напоминает, что суды общей юрисдикции в силу части 4 статьи 1, части 3 статьи 11 ГПК РФ вправе разрешать вопросы, связанные с использованием в своей деятельности документов в электронном виде на основе применения норм, регулирующих сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм - исходить из общих начал и смысла законодательства (аналогия права)[49].

Сложившаяся судебная практика исходит из того, что сеть Интернет представляет собой совокупность веб-сайтов, каждый из которых является единым целым логично объединенных страниц, включающих рекламно-информационные ресурсы, связанные общей идеей и/или дизайном. Сайт может содержать документы в формате HTML (форматированный текст), графические файлы, аудио-, видео- и мультимедийные данные, а также программы, связанные между собой по смыслу и ссылочно[33]. Следует также указать на то, что приобретение процессуального статуса такой информации сопряжено с представлением указанных сведений в рамках определенной объективированной формы.

Процесс представления соответствующих доказательств отличает то, что сложившиеся нормы гражданско-правового регулирования, а также судебная практика указывают на необходимость отнесения документов, полученных с использованием сети Интернет, к структуре письменных доказательств. Таким образом, представление соответствующей информации из Интернета в распечатанном виде позволяет относить такие доказательства к категории письменных, что предполагает соответствующие механизмы их исследования. Однако важное значение имеют и те доказательства, объективированная форма которых несет материальную сущность, то есть доказательства, рассматриваемые в качестве вещественных.

Так, суд может исследовать интернет-страницы непосредственно в сети Интернет, составляя при этом протокол совершения отдельного процессуального действия и фиксируя в нем результат данного действия. К протоколу прилагаются скриншоты осмотренных страниц, записи аудио- и видеофайлов. Исследование проводится с соблюдением прав всех участвующих в деле лиц, в том числе в части извещения о месте и времени осмотра. Если интернет-сайт осматривается в судебном заседании в ходе рассмотрения спора по существу (т.е. для осмотра не назначается отдельное заседание) и если протокол отдельного процессуального действия не составляется[58], то результат совершенного процессуального действия заносится в протокол судебного заседания, к нему же приобщаются скриншоты осмотренных страниц, записи аудио- и видеофайлов. Отдельного извещения о таком процессуальном действии не требуется, если лица, участвующие в деле, надлежащим образом уведомлены о времени и месте судебного заседания. В рассмотренных ситуациях протокол совершения процессуального действия (или протокол судебного заседания) с соответствующим пакетом материалов рассматривается в качестве письменного доказательства, при этом судебные инстанции рассматривают его в качестве допустимого.

Важно подчеркнуть, что лица, участвующие в деле, могут самостоятельно фиксировать находящуюся в сети Интернет информацию доступными им средствами и представлять ее в материалы дела в виде: записи на магнитных носителях, скриншотов интернет-страниц, распечаток с различных информационных ресурсов, распечаток электронной переписки и пр.

Абзацем 2 п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрено, что распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншоты) должны содержать указание на адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точное время их получения[51]. Вместе с тем, в соответствии со ст. 67 ГПК РФ такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами[22].

Вопрос о допустимости применений скриншотов в качестве доказательства ограничен положениями ст. 71 ГПК РФ, в соответствии с которой письменными доказательствами являются любые документы и материалы, выполненные таким способом, который позволяет установить их достоверность[22]. Соответственно, участники судебного процесса могут использовать скриншоты в качестве доказательств независимо от категории дела.

Обеспечение доказательств, размещенных в сети Интернет, осуществляется путем их осмотра[60]. Нотариальный протокол осмотра доказательств признается судами письменным доказательством, отвечающим критерию допустимости. Фиксация нотариусом факта нарушения в сети Интернет может производиться без уведомления нарушителя, поскольку возможность удаления соответствующей информации относит данный случай к случаям, не терпящим отлагательств[33].

Рассматривая электронные документы как средства доказывания, М.В. Горелов исходит из понимания специфики не только формы,

но и особого процесса создания и закрепления информации на материальном носителе. Автор выделяет ряд базовых условий, позволяющих рассматривать такие документы в качестве доказательств в гражданском процессе:

- доступность в понимании электронного документа;
- возможность идентификации автора документа;
- соблюдение условий, гарантирующих целостность документа;
- обладание свойством контролепригодности, т.е. возможности проведения контроля достоверности электронного документа[17, с. 17].

Доступность в понимании электронного документа предполагает очевидность его восприятия для конечного пользователя. Поскольку специфика электронных доказательств состоит в их опосредованном характере восприятия, зачастую с использованием вспомогательных электронно-вычислительных средств (если речь не идет о привлечении соответствующих доказательств как письменных благодаря приложению соответствующей распечатки), то важно обеспечить пригодность такого доказательства для дальнейшего исследования.

Следующим ключевым параметром, влияющим на принятие решение о том, является ли представленное доказательство надлежащим, выступает возможность идентификации источника происхождения данного доказательства, то есть определение его автора. В текущем периоде наиболее простой и популярной формой удостоверения авторства электронных документов служит использование электронной цифровой подписи (важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет о подлинном удостоверяющем сертификате). Однако, по мнению экспертного сообщества, сама процедура определения подлинности электронной цифровой подписи не является частью процесса исследования доказательств как такового, а «свидетельствует только о знании лицом, ее поставившим, механизма выработки электронно-цифровой подписи»[45, с. 308]. В то же время, установление подлинности такой подписи позволяет суду принимать дальнейшие шаги

по всестороннему исследованию представленного доказательства с целью определения его допустимости и относимости.

Пожалуй, классическим примером является использование в качестве доказательства факта совершения сделки электронной цифровой подписи в рамках договора займа. Так, например, в материалах гражданского дела по иску ООО «АйДи Коллект» к физическому лицу в качестве надлежащего доказательства признан договор займа в электронном виде – через систему моментального электронного взаимодействия, то есть онлайн-заём[64].

Система моментального электронного взаимодействия кредитных организаций, как правило, представляет собой совокупность программно-аппаратного комплекса, размещенного на сайте соответствующей организации, включая автоматические сервисы системы, клиентские модули, управляемые физическими лицами, отражающие взаимоотношения и процедуры, возникающие между заемщиками и кредитной организацией с использованием SMS-сообщений, паролей и логинов а также информацию и расчеты.

В числе типичных примеров идентификации пользователя можно также выделить привлечение в качестве доказательств выписок по лог-файлам, информацию уполномоченных организаций о направлении смс-сообщений на номер истца или ответчика, указанный в договоре обслуживания, детализацию оказанных услуг оператором сотовой связи по абонентскому номеру истца или ответчика[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.].

Соответствие признаку определения автора документа в гражданском процессе, вместе с тем, имеет некоторые исключения. Так, проблемный характер процесса собирания, представления и исследования электронных доказательств в гражданском процессе зачастую обуславливают ситуации, при которых ответчик выступает инкогнито, то есть установить его личность невозможно.

Наиболее часто такие категории дел рассматриваются при решении вопроса о защите личных неимущественных прав – защиты чести и достоинства человека и гражданина. Отметим, что в соответствии со ст. 10 ГК РФ намеренное распространение недостоверных, порочащих сведений о ком-либо является проявлением нарушения допустимости норм добросовестного поведения участников гражданского оборота и фактически может рассматриваться в качестве злоупотребления признанного права на выражение своего мнения.

Анализ положения ГК РФ и ГПК РФ, а также разъяснений, содержащихся в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» и преамбулы к Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации[52] свидетельствует о необходимости стороне истца в делах о диффамации, наряду с иными обстоятельствами, нести бремя доказывания фактов распространения ответчиком оспариваемых сведений.

Усложнение процесса происходит ввиду возможности использования нарушителем комплекса специальных программ (например, прокси-серверов, веб-прокси, ремейлеров, анонимайзеров и т.д.), способствующих в конечном счете скрытию информационных следов как об авторе, так и персональном устройстве, с которого распространялась информация.

Сложившаяся правоприменительная практика предполагает, что в случае определения конкретного адреса электронной почты, с которого поступают соответствующие оскорбления или сведения, порочащие честь и достоинство, возможно осуществить запрос сведений о владельце данного почтового ящика у администратора почтового сервиса. Получение соответствующих сведений является сложной процедурой, в связи с чем необходимо обратить внимание на ст. 57 ГПК РФ, которая определяет порядок инициированного гражданского дела, возбуждаемого по заявлению

лица, обращающегося за судебной защитой. Соответствующее заявление должно содержать ФИО ответчика и его место жительства, а в случае если такая информация у истца отсутствует С. Баринов рекомендует в качестве исключительной меры указывать «в исковом заявлении сведения о совершенно другом (вымышленном) ответчике для возбуждения гражданского дела, впоследствии истребовать сведения о реальном владельце электронной почты с помощью суда. После этого привлекать последнего к участию в деле в качестве надлежащего ответчика (ст. 41 ГПК РФ)»[4, с. 11].

Вместе с тем судебная защита пострадавшего, с учетом сложного организационного механизма привлечения ответчика, не исключается полностью. В соответствии с п. 8 ст. 152 ГК РФ невозможность установления лица, распространившего сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, влечет возникновения права гражданина на обращение в суд с заявлением о признании таких сведений в качестве не соответствующими действительности. Одновременно следует учитывать, что рассмотрение такого заявления должно осуществляться в порядке особого производства (абз. 3 п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»).

Целостность документа как базовое свойство электронного доказательства основывается на анализе источника информации, с помощью которого такой документ был создан, подлежал хранению и передаче по каналам связи. В частности, нередки случаи нарушения технических условий содержания электронно-вычислительных средств, которые, по мнению Е.А. Наховой ведут к «искажению информации, содержащейся в электронном документе, так как она должна быть достаточной для установления определенных сведений о фактах, подлежащих судебному доказыванию»[46, с. 309].

Проверка целостности электронных доказательств осуществляется, как правило, в рамках соответствующей компьютерно-технической экспертизы. Анализ судебной практики позволяет выделить в структуре типичных рассмотрение дел о взыскании задолженности по договорам займа, когда в случае представления истцом электронных доказательств назначается соответствующая экспертиза на предмет установления признаков, позволяющих сделать вывод о том, что приведенные электронные доказательства подвергнуты или не подвергнуты какому-либо изменению полностью или в части с искажением имеющейся в них информации[66].

Говоря о контролепригодности как особого рода свойстве электронного доказательства, можно выделить некоторые особенности. Так, в доктрине гражданского процессуального права зачастую высказывается мнение о необходимости легального закрепления механизма осмотра интернет-страницы и создания на его основе протокола осмотра нотариусом как средства обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве. Н.А. Артебякина подчеркивает особое значение такого способа обеспечения доказательств, ссылаясь на возможность с его помощью «установить признаки допустимости и достоверности электронного доказательства, например, позволяет идентифицировать его автора, способствует сохранению целостности информации, «консервации» электронного документа»[2, с. 283].

Сложившийся механизм правового регулирования позволяет отнести протокол осмотра интернет-страницы к категории письменных доказательств. В соответствии ч. 1 ст. 71 ГПК РФ к числу письменных доказательств, в том числе, относятся материалы, которые получены с использованием сети Интернет и протоколы совершения процессуальных действий[22].

Идея признания в качестве квалифицированного письменного доказательства протокола осмотра Интернет-страницы, подготовленного нотариусом, находит своих сторонников как в отечественной, так и

зарубежной литературе. Например, на необходимость трансформации института доказывания в соответствии с новыми реалиями правоприменительной практики и признанием аутентичными актами нотариально заверенные документы предлагает С.Л. Дегтярев[25, с. 227]. В свою очередь И.Г. Медведев подчеркивает некоторое отставание отечественной системы правового регулирования от эффективной зарубежных решений в части закрепления подхода к определению понятия «аутентичный акт»[20, с. 204]. В частности, во Франции под ним понимается документ, составленный или удостоверенный компетентным публичным должностным лицом с соблюдением необходимых формальностей.

Однако центральная проблема в создании и привлечении подобного рода доказательств, призванных обеспечить контролепригодность, состоит в отсутствии надлежащего правового регулирования действий нотариуса при составлении протокола осмотра Интернет-страниц. Анализ содержания Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[60], а также Регламента совершения нотариусами нотариальных действий[54] указывает на отсутствие соответствующих правовых стандартов составления протокола осмотра интернет-страницы, что, по мнению экспертного сообщества, может быть «сомнительным с точки зрения характеристик допустимости и достоверности доказательства в гражданском судопроизводстве, а также соблюдения принципа законности» [2, с. 284].

Однако фактические результаты работы нотариата в отношении оказания помощи судам в осуществлении правосудия и обеспечению доказательств в гражданском и арбитражном процессе свидетельствуют лишь об увеличивающемся интересе к подобной форме фиксации фактов: ежегодно 85 - 90% нотариальных действий по обеспечению доказательств совершаются нотариусами в отношении доказательств, размещенных в сети Интернет. В целом количество нотариальных действий по обеспечению доказательств за период с 2010 по 2016 год возросло в 4 раза (с 6 230 в 2010 году до 24 884 в 2016 году)[36], что подчеркивает необходимость

формирования прочных правовых основ составления протоколов осмотра Интернет-страниц нотариусами с целью дальнейшего использования таких документов в качестве средств доказывания в гражданском процессе.

Парадоксальность процесса исследования электронных доказательств, заверенных нотариусом, обуславливает нерешенность вопроса о квалификации и проверке достоверности электронного документа, исходящего от нотариуса. Осмысление данной проблемы нашло отражение в исследовании Е.В. Погосян, который, в частности указывает на необходимость проверки не только электронной подписи нотариуса, но и самого способа осуществления передачи такого документа, а также его хранения: «Правовое закрепление условий и порядка использования нотариальных актов как средств доказывания, безусловно, будет способствовать упрощению гражданского судопроизводства»[62, с. 37].

Говоря об особенностях процессуальной деятельности по собиранию, представлению и исследованию электронных доказательств, одновременно подчеркнем, что развитие информационных технологий и трансформация многих сфер жизни обуславливает трансформацию некоторых специфических юридических институтов, призванных обеспечить правопорядок в новой цифровой реальности. Так, например, П.С. Пастухов указывает на необходимость развития компьютерной криминалистики как нового вида деятельности при работе с цифровыми следами преступлений. Автор подчеркивает, что данное направление деятельности своим содержанием включает «обнаружение, восстановление данных, собирание электронных доказательств, криминалистический анализ компьютерных средств и данных, направленных на раскрытие и расследование преступлений»[61, с. 484].

Таким образом, многогранный характер электронных доказательств как особого рода средств доказывания, обладающих специфической правовой природой, обуславливает особенности процессуальной деятельности по собиранию, представлению и исследованию соответствующих

доказательств. Анализ сложившейся правоприменительной практики указывает на необходимость соблюдения ряда общих требований к представлению электронных доказательств в суде, которые позволяют идентифицировать электронный документ как доказательство через систему его ключевых свойств. Обращают на себя внимание различные подходы в вопросах представления отдельных видов электронных доказательств, что связано с неурегулированностью значительного числа прикладных вопросов.

2.3 Особенности оценки электронных доказательств в гражданском процессе

Наряду с проблемой определения особенностей процессуальной деятельности по собиранию, представлению и исследованию электронных доказательств, важно также рассмотреть некоторые особенности оценки таких доказательств в гражданском процессе.

Основы порядка исследования электронных доказательств определены ст. 71, 181 - 182 ГПК РФ. Несмотря на отсутствие единообразных подходов к оценке электронных доказательств в гражданском процессе, определенных законодательно, целесообразным видится подчеркнуть значение Информационной справки, подготовленной по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по некоторым вопросам, возникающим при оценке доказательств, содержащих информацию, размещенную в сети Интернет[33].

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению правоприменительной практики, отметим, что условия оценки электронных доказательств во многом являются отражением тех свойств доказательств, которые применяются к ним в рамках осуществления процессуальной деятельности по

их собиранию, представлению и исследованию. В связи с этим, по мнению М.В. Горелова, допустимо выделить четыре основных параметра, которые должны быть учтены при оценке:

- надежность способа, с помощью которого подготавливалось, хранилось или передавалось электронное сообщение;
- надежность способа, при помощи которого обеспечивалась целостность информации;
- надежность способа, при помощи которого идентифицировался его составитель;
- правильность способа фиксации информации [17, с. 18].

Единство системы требований к процедурам представления и оценки доказательств, вместе с тем, может решаться различными способами в рамках правоприменительной практики, что подчеркивает актуальность исследования проблем реформирования сложившихся организационно-правовых институтов исследования электронных доказательств в гражданском процессе в России.

Одним из наиболее сложных вопросов оценки электронных доказательств является оценка их достоверности. Согласно ст. 67, ст. 68 ГПК РФ проверка документов или иных письменных доказательств происходит в сопоставлении с другими доказательствами (в том случае, если они имеются в деле) [22]. Однако во многом дискуссионным остается вопрос об определении оригинала доказательства в том случае, если в качестве доказательства представлены распечатка электронного письма, распечатка из системы электронного документооборота либо скриншот экрана. Если в деле имеются прямые доказательства, то тогда актуальным является также вопрос о том, можно ли, основываясь лишь на них, сделать вывод об обстоятельствах, подлежащих доказыванию?

Л.В. Зайцева, Н.В. Сухова предлагают в таких случаях рассматривать процессуальное доказывание не как линейный, а как многокомпонентный, сложный порядок осуществления познавательной деятельности: «И лишь

отдавая себе отчет в том, что вопрос об установлении доброкачественности источника или носителя информации связан с процессом судебного познания - отбором относимых обстоятельств дела, которые еще нужно обнаружить и сформулировать, можно увидеть, что без них доказывание юридических фактов, относящихся к существу спора, является проблематичным»[29, с. 202].

Подтверждением тому является сложившаяся практика рассмотрения гражданских дел. Зачастую рассмотрение споров о защите авторских прав происходит в рамках установления законности размещения каких-либо сведений или материалов в информационной-телекоммуникационной сети «Интернет». Однако проблематичным остается не только представление соответствующих доказательств об их размещении сторонами, но и исследование их судом.

Так, в рамках дела № 2-689/2019 Приморский районный суд города Санкт-Петербурга пришел к выводу о недопустимости приведенных истцом доказательств в виде применения скриншота страниц как достоверного доказательства, мотивируя это тем, что существует широкий спектр возможного использования электронных носителей информации и их неконтролируемого тиражирования, самостоятельного изменения информации с помощью специальных программ, а также возможность произвести экранную копию интернет-страницы с указанием в строке браузера сетевого адреса другой страницы[69]. Вместе с тем, решающим в деле стало представление ответчиком протокол осмотра и исследования письменных доказательств, удостоверенного нотариусом, из которого не усматривалось использование ответчиком план-панорамы Санкт-Петербурга, в отношении которого истцом предъявлялись соответствующие претензии.

Необходимость надлежащего удостоверения представленных доказательств и сложность исследования электронных доказательств в целом подтверждает также гражданское дело №2-1362/2019, рассматриваемое

Жуковским городским судом Московской области РФ. По мнению суда, отсутствие нотариального заверения противоречит ст. 102-103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, в то же время сами документы не содержат информацию, позволяющую однозначно идентифицировать получателя, отправителя и назначение платежа с истцом и ответчиком[65].

Проблематичным является вопрос оценки достоверности указанной информации как в отношении даты ее размещения в сети «Интернет», так и в отношении ее содержания. По результатам обобщения судебной практики, Суд по интеллектуальным правам, в частности, приходит к выводу о необходимости проведения данной оценки на основе принципа состязательности. Данная информация признается достоверной при отсутствии возражений лиц, участвующих в деле. Вместе с тем в случае, когда лицо, участвующее в деле, ссылается на размещение этой информации во всеобщем доступе в сети «Интернет» (а не на личную переписку посредством электронной почты или иным электронным каналам связи), при оценке такого доказательства и наличии возражений лиц, участвующих в деле, суды проверяют, находилась ли эта информация во всеобщем доступе в сети «Интернет»[33].

Говоря о специфике оценки электронных доказательств, обратим внимание также на исследование информации, которая получена из электронных баз данных – государственных реестров информации, размещенных в сети Интернет. Такие сведения могут считаться допустимыми до тех пор, пока они не опровергнута иными доказательствами[33]. Отметим, что механизм опровержения соответствующих сведений возможен посредством получения доступа к официальным документам за подписью профильных государственных органов. Предполагается, что в данном случае опровержение возможно в том случае, если ранее была

допущена либо ошибка технического характера при размещении такой информации, либо устаревание этой информации.

Аналогичная практика складывается и в отношении оценки информации, размещенной на официальных сайтах органов государственной власти. Соответствующие положения нашли отражения, в частности, в решении Суда по интеллектуальным правам от 08 февраля 2017 г. по делу № СИП-642/2016, в рамках которого исследовались материалы дела, включающего представление в качестве надлежащих доказательств сведений, опубликованных на официальном интернет-сайта Роспатента, в разделе «открытые реестры» [71].

Интересной также является практика исследования и оценки в гражданском процессе электронных доказательств, представленных в качестве аудио- и видеозаписей.

Во-первых, следует особое внимание указать соблюдению требований подлинности и достоверности соответствующих доказательств. Например, в ходе рассмотрения дела № 2-8058/2019 Якутским городским судом Республики Саха (Якутия) о неосновательном обогащении было исследовано 3 аудиозаписи, одна из которых признана судом недопустимым доказательством по той причине, что подвергалась монтажу стороной ответчика, что им подтверждено, и в связи с заявлением стороны истца о том, что действительный смысл переговоров сторон в результате монтажа искажен [70].

Во-вторых, исследование таких доказательств осуществляется также в определенном порядке с учетом особенностей представленного материала. С одной стороны, для проверки подлинности возможно проведение соответствующей экспертизы, с другой стороны, при привлечении таких доказательств зачастую подкрепляется приложением соответствующих стенограмм разговоров, несущих важный доказательственный смысл. В том же деле о неосновательном обогащении к исследованию представлены две

аудиозаписи с участием переводчиков, видеозапись, а также стенограммы переводов записанных на них разговоров[70].

Допустимость представления скрытых аудио- и видеозаписей на электронных носителях признается в том случае, если при осуществлении записи не были нарушены гарантированные Конституцией, международными договорами РФ права и свободы человека и гражданина. Например, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06 декабря 2016 г. № 35-КГ16-18, предметом которого является кассационная жалоба на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам по делу о взыскании основного долга по договору займа, установлено, что запись разговора, которая была представлена истцом в качестве средства доказывания, производилась одним из лиц, участвующих в разговоре, и, более того, напрямую связана с обстоятельствами, доказывающими существование договорных отношений между этими субъектами. В связи с этим обстоятельствами суд счел представление записи допустимым. Таким образом, это позволило направить дело на новое рассмотрение.

Еще одним примером допустимого совершения и последующего представления в суде скрытой аудиозаписи является доказательство, представленное по делу № 2-2123/2019, рассмотренное 23 мая 2019 г. Куйбышевским районным судом г. Омска о признании увольнения незаконным, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула[66]. Истцом была представлена запись разговора между ним и работодателем, произведенная с использованием диктофона мобильного телефона: из разговора установлен факт неправомерного увольнения сотрудника. Следует обратить внимание на следующие особенности оценки аудиозаписи в гражданском процессе. Во-первых, допустимость оценки данного доказательства судом исходило из определения требований относимости и допустимости. Во-вторых, обеспечена оценка соблюдения специальных требований: материалы дела содержат информацию о времени,

месте и условиях, при которых осуществлялась запись, сведения о выполнявшем ее лице. В-третьих, не обязательной, но, как правило, распространенной, является практика представления стенограммы записи с указанием временного промежутка звуковой дорожки, что имело место также и в этом деле. Также обращает на себя внимание принцип состязательности, который был учтен судом при отклонении довода ответчика о том, что запись, представленная истцом на съемном носителе носит переработанный характер: во-первых, доказательства о подложности аудиозаписи стороной ответчика не представлены, во-вторых, ходатайство о проведении фоноскопической экспертизы аудиозаписи в суде первой инстанции представитель ответчика не заявлял[66].

Более сложный механизм оценки имеют электронные доказательства, рассматриваемые в качестве вещественных доказательств. Законодательством определено, что способом исследования вещественных доказательств является их осмотр. Вещественные доказательства осматриваются судом и предъявляются лицам, участвующим в деле, а в необходимых случаях - экспертам и свидетелям (ч. 1 ст. 178 ГПК РФ). Осмотр может производиться как в зале суда, так и по месту нахождения предметов, если из-за громоздкости или по другим причинам они не могут быть доставлены непосредственно в суд (ч. 1 ст. 179 ГПК РФ).

Однако содержание такого осмотра для электронных доказательств отличается от классического осмотра доказательств. В данном случае важен момент восприятия зафиксированной электронной информации, то есть оценке подлежит не предмет как таковой, а то содержание, которое он в себе закрепил.

Так, Дзержинским городским судом Нижегородской области было рассмотрено гражданское дело № 2-2289/2018 о защите чести и достоинства, компенсации морального вреда, в котором в числе косвенных доказательств исследовалось содержимое DVD - диска с фотографиями. Суд установил, что поскольку согласие на обнародование и использование изображения

гражданина представляет собой сделку, к нему должны применяться нормы о форме сделок, в то время как зафиксированные на материальном носителе (диске) фотографии свидетельствуют о добровольности позирования перед фотографом, согласии на фотосъемку и, соответственно, выступают свидетельством совершения указанной сделки[67].

Систематизируя ключевые особенности процесса оценки электронных доказательств в гражданском процессе в России, следует отметить, что базовые требования к структуре оценке доказательств включают требования о возможности аутентификации автора таких доказательств, обеспечения целостности представленного для исследования документа, набор требований к надежности способа изготовления рассматриваемого доказательства, а также требования к обеспечению их контролепригодности. Одновременно обзор судебной практики приводит к выводу о том, что в числе базовых принципов осуществления правосудия по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, является принцип состязательности.

Таким образом, систематизация правоприменительной практики указывает на сохранение двойственного и достаточно обширного характера деятельности в отношении электронных доказательств в гражданском процессе. В текущем периоде принятие решения о допустимости или недопустимости доказательств на электронных носителях происходит в зависимости от обстоятельств дела, при этом очевидной является недостаточность системы правового регулирования. Указанные положения свидетельствуют о неготовности судебной системы в текущем периоде воспринимать новые веяния современного информационного общества. В связи с этим актуальным видится решение задачи судебной реформы в области гражданского судопроизводства путем ликвидации правовых пробелов в части использования высокотехнических средств доказывания.

3. Проблемы и направления совершенствования правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе

3.1 Зарубежный опыт правового регулирования вопросов представления оценки электронных доказательств в гражданском процессе

Обобщение теоретических подходов и анализ правоприменительной практики использования электронных доказательств в гражданском процессе в Российской Федерации позволил обозначить проблемный контур организации процессуальной деятельности по их собиранию, представлению, исследованию и оценке в суде. Систематизация выявленных особенностей нормативного регулирования указывает на необходимость поиска наиболее эффективных подходов к организации процесса доказывания на основе использования электронных доказательств, в связи с чем целесообразным видится рассмотреть зарубежный опыт правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе.

Подходы к правовому регулированию электронных доказательств различаются как в вопросах определения правовой природы электронных доказательств в гражданском процессе, так и во временных параметрах развития соответствующего профильного законодательства.

В числе первых государств, осознавших высокую степень автоматизации процессов записи и хранения большого числа данных о совершении физическими и юридическими лицами отдельных операций, можно назвать Шри-Ланку, в национальной правовой системе было принято решение о разработке соответствующего профильного нормативного регулирования процесса надлежащего использования электронных доказательств. Так, в 1995 году были приняты специальные положения к Закону о доказательствах для обеспечения допустимости использования

аудиовизуальных записей и информации, содержащейся в заявлениях, полученных с помощью компьютеров в гражданском и уголовном процессе[94]. Часть I данного Закона определяет общие вопросы допустимости одновременного использования записей, сделанных с использованием электронных или механических средств. Часть II регулирует некоторые вопросы представления компьютерных доказательств, части III и IV Закона содержат соответственно общие положения и положения, облегчающие толкование.

Следует подчеркнуть, что положения Закона о доказательствах (специальные положения) единообразно применяются к уголовному и гражданскому судопроизводству.

Раздел 3 Постановления о доказательствах ограничивает круг допустимых доказательств устными и письменными доказательствами, однако некоторые положения Указа о доказательствах наделяют суд правом исследовать в производстве вещественные доказательства при определенных обстоятельствах [95]. Одновременно доказательствами признаются записи публичных выступлений и телефонных разговоров, сохраненных с помощью проводного соединения или магнитофонных записей, также к числу допустимых доказательств отнесены фотографии.

Таким образом, в законодательстве Шри-Ланки признается допустимость использования электронных доказательств в гражданском процессе. Вместе с тем, их использование ограничено системой неотъемлемых свойств (критериев) таких доказательств, закрепленных законодательно: запись или ее воспроизведение должны осуществляться с использованием электронных или механических средств; воспроизведение или отображение доказательства обеспечивают доступность в понимании представленного доказательства; целостность документа; достоверность (контролепригодность) [94].

Достаточно развитая система нормативного регулирования использования электронных доказательств в гражданском процессе

представлена в Южной Африке. Первый зарегистрированный случай в Южно-Африканской Республике, касающийся допустимости электронных доказательств, был заслушан за двадцать пять лет до того, как парламент принял Акт № 25 О допустимости электронных доказательств («ДЭХ»)[91].

Интересным является тот факт, что еще до принятия профильного законодательства в государстве была разработана достаточно развитая система нормативного регулирования: использование компьютерных доказательства регулировалось положениями Закона о компьютерных доказательствах № 57 (1983); Законом о доказательствах гражданского судопроизводства № 25 (1965) («Закон о СЗЭД») и Законом об уголовном судопроизводстве (1977) («СЗД»)[91].

Сложившийся подход к определению правовой природы электронных доказательств в гражданском процессе Южной Африки отличается значительной широтой. В соответствии с разделом 1 Закона о допустимости электронных доказательств от 2002 года используется широкий взгляд на определение сущности таких доказательств: в качестве универсального понятия принято использовать понятие «данные», которое рассматривается как электронное представление информации в любой форме[90], при этом сообщение таких данных предполагает создание, отправление, получение или сохранение данных с помощью электронных средств, включая:

- голос, где голос используется в автоматизированной транзакции;
- сохраненные записи[90].

При этом разделом 15 соответствующего закона предусмотрено, что при оценке доказательного веса сообщения данных необходимо учитывать четыре базовых параметра:

- во-первых, надежность используемого способа генерации и сохранения информации;
- во-вторых, надежность используемого способа обеспечения целостности зафиксированных данных;
- в-третьих, способ, которым был идентифицирован его создатель;

- в-четвертых, любой другой соответствующий фактор[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.].

Таким образом, сложившаяся система правового регулирования использования электронных доказательств в ЮАР отличается значительная широта как при определении правовой природы электронных доказательств, так и при определении условий их допустимости представления в гражданском процессе. Указание на возможность оценки по совокупности факторов, среди которых «любой другой соответствующий фактор» свидетельствует о формировании гибкого подхода и возможности дальнейшей адаптации правоприменительной практики с учетом стремительного развития информационных технологий и средств фиксации информации, привлекаемых в качестве доказательственной базы в гражданском процессе.

Особый взгляд на природу электронных доказательств сформулирован в законодательстве Австралии. Так, электронное доказательство с точки зрения национальной системы, состоит из трех основных элементов:

- двоичные данные;
- запоминающее устройство для хранения двоичных данных;
- программное обеспечение для чтения и интерпретации двоичных данных[99].

В ходе оценки электронных доказательств особое внимание уделяется проблеме оценки метаданных – электронной информации о других электронных данных, которая создается и встраивается в электронные документы.

Материальное выражение доказательственной формы электронных документов в Австралии рассмотрено также достаточно широко – в государстве компьютерные записи были признаны допустимыми в качестве документов[100]. Вместе с тем, сложившаяся практика свидетельствует о назревании отдельных проблем законодательного осмысления конкретных видов доказательств. Так, во многом дискуссионным является вопрос

о включении в структуру понятия «документ» таких типов носителей, на которых хранятся электронные документы, как CD- и DVD диски, ленты для резервного копирования, жесткие диски.

Например, в деле *Sony BMG Music Entertainment v Arellanes*, аргумент о том, что CD-Rom был не документом как таковым, а скорее хранилищем нескольких различных документов, был представлен к рассмотрению в суде. Однако Дж. Тамберлин отверг данный документ, ссылаясь на положения Акта о единообразных доказательствах, закрепивших достаточно широкое понятие документ, что позволяет к таковым отнести и CD-диски[96].

Вместе с тем, следует указать, что в современных исследованиях все чаще высказывается критика столь широкого подхода и целесообразность нормативного определения некоторой группы электронных доказательств с учетом их природы, отличной от документа [Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.]. В качестве основных аргументов, указывающих на недопустимость рассмотрения материальных носителей данной категории в качестве документов приводится, во-первых, то обстоятельство, что жесткий диск – это всегда комплексный носитель информации, на котором содержится информация не об одном, а нескольких документах, при этом некоторые из них могут являться конфиденциальными, секретными или нерелевантными. Данные обстоятельства, в свою очередь, подчеркивают актуальность проблем обеспечения доступа к такой информации для эксперта, который занимается проведением экспертизы – с одной стороны, доступ ко всем документам не обеспечивает конфиденциальности, с другой – открытым является вопрос о независимости и незаинтересованности эксперта в получении той или иной информации.

Таким образом, слишком широкое понятие «документа», в контексте которого рассматриваются также и электронные доказательства, не позволяет достоверно определить природу рассматриваемого доказательства, что порождает существенные проблемы правоприменительной практики. Вместе с тем, следует указать, что в законодательстве Австралии, как и ранее

рассмотренных зарубежных кейсах, законодательно определены ключевые принципы оценки электронных доказательств: учитывается, во-первых, их релевантность и, во-вторых – возможность аутентификации.

Достаточно широкий взгляд на природу электронных доказательств нашел свое отражение в законодательстве Великобритании. Так, в Англии и Уэльсе используется наиболее общее определение «документ», который включает в себя все, в чем содержится зафиксированная информация любого характера. То есть определение «документ» по большому счету включает в себя понятие «электронного документа», которое отражает возможности использования электронной почты и других электронных сообщений, в частности, текстовых сообщений и голосовую почту, документы из баз данных, обработанные в текстовом формате и документы, хранящиеся на портативных устройствах, а также документы, которые легко доступны из компьютерных систем. Также в эту группу относятся и другие электронные устройства и носители, включая документы, хранящиеся на серверах, системы резервного копирования и документы, которые были удалены.

Важно отметить, что значимым для системы национального законодательства в вопросах регулирования электронных доказательств стал 2005 год, когда в качестве дополнения к Гражданско-процессуальным правилам было принято Практическое указание 31В[101], закрепившее соответствующее определение электронного документа. Вместе с тем, по-прежнему сохраняются прецеденты рассмотрения жестких дисков и других устройств в качестве документов[98].

Указанные обстоятельства позволяют сделать заключение о том, что наряду с существованием практических указаний, то есть, по сути, профильного нормативного регулирования, сохраняются некоторые прецеденты выражения более широкого взгляда на некоторые категории доказательств, созданных с помощью электронных средств.

Во многом схожая позиция выражена в законодательстве США: так, в соответствии с Федеральными гражданско-процессуальными правилами документ включает информацию, хранимую в электронном виде [96].

Анализ Правила 34 Федеральных правил гражданского судопроизводства США позволяет сделать вывод о важности состязательности процесса. Так, одна из сторон может заявить ходатайство об исследовании представленных другой стороной доказательств, при этом в отношении доказательств, подготовленных с помощью электронных, информационно-коммуникационных технологии, используются правила исследования как для письменных или вещественных доказательств.

Правила гражданского процесса предполагают возможность проверки, копирования, исследования образцов, находящихся во владении, на хранении или контроле отвечающей стороны, если речь идет о:

- любых обозначенных документах или информации, хранящейся в электронном виде, включая записи, чертежи, графики, диаграммы, фотографии, звукозаписи, изображения и другие данные или подборки данных, хранящиеся на любом носителе, с которого можно получить информацию напрямую или, при необходимости, после перевода отвечающей стороной в приемлемую для использования форму; или
- любых обозначенных материальных вещах [96].

Подчеркнем, что вопросы совершенствования процесса представления и оценки электронных доказательств в законодательстве США занимают особое место в последние годы. Нормативное регулирование осуществляется также в рамках Федеральных правил доказывания (1975) [97], которые дополняются новыми правками по вопросам собирания, представления, исследования и оценки электронных доказательств.

Существенной новацией, обеспечивающей прогрессивный характер правового регулирования, стало упрощение аутентификации данных,

полученных из электронных источников. Так, в соответствии с принятой поправкой 902 от 1 декабря 2017 года предполагается обеспечение самоаутентификации для таких элементов, как запись, сгенерированная электронным процессом или системой, которая дает точный результат, что подтверждается сертификацией квалифицированного лица [97].

Отметим также, что, например, в рамках Закона США «Об электронных подписях в мировой и национальной торговле» используется значительно более широкое трактование электронное подписи: ей признается любой аналог собственноручной подписи, что предполагает допустимость рассмотрения в качестве таковой не только графо-символическое изображение, но и, например, звук (пункт 5 параграфа 7006)[102].

Интересным видится опыт регламентации правила о необходимости обеспечения достоверности информации, опубликованной на сайте органа государственной власти (в отличие от российской практики, когда достоверность признается лишь до момента опровержения иными доказательствами). Соответствующие положения нашли закрепление в рамках Закона об унификации электронных юридических актов (2011)[93], определившего, что публикуемые в открытом доступе документы на сайтах органов власти должны быть достоверными настолько, насколько они были бы напечатаны в книжном варианте. Для обеспечения реализации соответствующих положений продуман и специальный организационный механизм, предполагающий предварительную специальную защитной обработку размещаемых документов в программной системе.

Рассмотрим также подход, сложившийся в Канаде. Понятие электронного документа нашло закрепление в рамках Закона о доказательстве и представлено в качестве данных, которые записываются или хранятся на любом носителе или в компьютерной системе или другом подобном устройстве, при этом такие данные могут быть прочитаны или восприняты человеком или компьютерной системой или другим подобным устройством[87]. В соответствии с указанным законом под электронным

документом следует также понимать отображение, распечатку или иные способы вывода таких данных.

Особое место в структуре вопросов правового регулирования в Канаде уделено также комплексному восприятию системы электронных доказательств. В частности, нашло закрепление такое понятие, как «система электронных документов», рассматриваемая в качестве компьютерной системы или иного аналогичного устройство[87], которые служат обеспечению таких операций, как запись, хранение информации, а также все прочие процедуры, связанные с их осуществлением.

Также следует обратиться к исследованию опыта Европейских стран, где в последние годы развитию нормативных положений об использовании электронных доказательств в гражданском процессе уделялось особое внимание.

В национальных документах стран-участниц ЕС принято использовать широкий подход к определению электронных доказательств.

Обратим внимание на процедуру представления и оценки таких доказательств, определенную в законодательстве Германии. Так, в соответствии с параграфом 371 Гражданского процессуального кодекса Германии, электронные документы представляют собой объекты для проверки. Для распечаток электронных документов закон определяет необходимость эквивалентности распечатанной копии исходному содержимому, при этом предполагается также заверение этой копии государственным органом.

Одновременно признается, что представленные доказательства без соответствующего сертификата и распечатки частных электронных документов не являются документами в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Германии, а являются предметом проверки[89]. Что касается оценки электронных документов в качестве доказательства, то в законе говорится о доказательственной ценности общественного (параграфы 415, 417 и 418) и личных документов (параграф 416). Данные

правила оценки доказательств заменяют принцип свободной оценки доказательств.

Интересно и то, что Закон предусматривает, что частный электронный документ с квалифицированной электронной подписью имеет ту же доказательную ценность, что и частный документ, который был подписан эмитентом или нотариально заверен. Такой документ доказывает, что такое заявление было сделано владельцем ключа подписи. Подлинность электронной подписи признается по умолчанию, однако противоборствующая сторона может доказать недостоверность, предоставив факты, которые вызывают серьезные сомнения в этом отношении.

Французский закон, в свою очередь, проводит различие между письменными доказательствами, свидетельскими показаниями, презумпцией, признанием и клятвой. Электронное письмо имеет ту же ценность, что и письменное (статья 1316-1 Гражданского кодекса Франции), более того, подлинный документ может быть составлен на электронном носителе. Важно указать на то, что доказательная сила данного инструмента особенно сильна, поскольку он признается наиболее авторитетным до момента, пока не доказано обратное[88].

В 2019 году в качестве практического инструмента для государств-членов Европейского Союза были приняты руководящие принципы, направленные на обеспечение содействия в решении проблем, возникающих в связи с использованием электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.].

Под «электронным доказательством» принято понимать любое доказательство, полученное из данных, содержащихся или произведенных любым устройством, функционирование которых зависит от программного обеспечения или данных, хранящихся или передаваемых по компьютерной системе или сети[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.]. Отметим также, что особое внимание также уделяется вопросу использования метаданных, которые относятся к электронной информации о других электронных

данных, то есть составляют информацию, которая может раскрыть идентификацию, происхождение или историю доказательств, а также соответствующие даты и время.

Принятые руководящие принципы имеют важное смысловое и стратегическое значение. Фактически данный документ позволяет сформировать базу для дальнейшего совершенствования национальных доказательств в русле единой логики, что обеспечивает равенство жителей ЕС, вне зависимости от места их проживания.

Целесообразным видится рассмотрение ряда базовых принципов, которые характеризуют сложившийся подход к представлению и оценке электронных доказательств в гражданском процессе в Европе. Итак:

- во-первых, суды должны принять решение о потенциальной доказательной ценности электронных доказательств в соответствии с национальным законодательством;
- во-вторых, электронные доказательства должны оцениваться так же, как и другие виды доказательств, в частности, в отношении их допустимости, подлинности, точности и целостности;
- в-третьих, суды должны знать о доказательной ценности метаданных и потенциальных последствиях их неиспользования;
- в-четвертых, сторонам должно быть разрешено представлять электронные доказательства в их первоначальном электронном формате без необходимости предоставления распечаток;
- в-пятых, электронные доказательства должны собираться надлежащим и безопасным образом и передаваться в суды с использованием надежных услуг, таких как трастовые;
- в-шестых, передача электронных доказательств с помощью электронных средств должна поощряться и облегчаться с целью повышения эффективности судебных разбирательств[Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.].

Обратим внимание и на то, что соответствующие принципы учитывают проблему высокого риска возможного уничтожения или утраты электронных доказательств по сравнению с неэлектронными доказательствами, в связи с чем государствам-членам следует рекомендоваться установить процедуры безопасного изъятия и сбора электронных доказательств. Более того, с целью постоянного совершенствования правоприменительной практики предполагается постоянное обобщение международного опыта для его последующего изучения и идентификации наиболее типичных проблем.

Руководящие принципы, направленные на обеспечение содействия в решении проблем, возникающих в связи с использованием электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве определяют необходимость сбора, структурирования и управления электронными доказательствами таким образом, чтобы облегчить их передачу в другие суды, в частности в апелляционный суд.

Таким образом, предпринятая в ЕС попытка обобщить наиболее значимые руководящие принципы представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе указывает на значимость работы в данном направлении, подчеркивает необходимость стандартизации алгоритмов действий в наиболее типичных ситуациях при работе с электронными доказательствами.

Обобщение рассмотренных подходов правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе представлено в таблице 1.

Таблица 1 - Сравнительный анализ подходов зарубежного правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе¹

Страна	Правовая семья	Профильный закон или положения	Дата принятия	Содержание ЭД	Правовая природа ЭД
Австралия	англо-американская	нет	-	двоичные данные, запоминающее устройство для хранения двоичных данных, программное обеспечение для чтения и интерпретации двоичных данных	письменные доказательства
Англия и Уэльс	англо-американская	да	2005	информация, раскрытая посредством электронной почты, электронных сообщений, баз данных, компьютерных систем	письменные / вещественные доказательства
Канада	англо-американская	да	1985	данные, записываемые или хранимые на любом носителе или в компьютерной системе или другом подобном устройстве, и могут быть восприняты человеком или специальной системой.	письменные / вещественные доказательства
США	англо-американская	да	1970	информация, создаваемая и хранимая в электронном виде	письменные / вещественные доказательства
Германия	романо-германская	да	1980	любые данные или информация, хранящаяся в электронном формате или на электронных носителях	письменные доказательства
Франция	романо-германская	да	1975	любые данные или информация, хранящаяся в электронном формате или на электронных носителях	письменные доказательства
Шри-Ланка	смешанная	да	1995	аудиовизуальные записи, информация, создаваемая и обрабатываемая с помощью электронных или механических средств	устные / письменные / вещественные доказательства
Южная Африка	смешанная	да	2002	электронное представление информации в любой форме	письменные / вещественные доказательства

¹ Составлено автором.

Таким образом, анализ сложившейся практики правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе свидетельствует о различном уровне нормативно-правовой регламентации процессов использования данного вида доказательств в национальных системах правосудия.

В большинстве из рассмотренных кейсов приняты профильные законы или поправки к действующим документам, позволяющие идентифицировать правовую природу электронных доказательств в гражданском процессе, а также их специфические свойства, позволяющие принимать решение о допустимости или недопустимости представленных материалов в качестве средств доказывания. Обобщение подходов указывает на то, что процесс формирования специальных источников права, призванных урегулировать вопросы использования электронных доказательств формировался в одно время с широким развитием информационных технологий – на рубеже XX-XXI веков.

Вместе с тем, некоторые проблемы сегодня, очевидно, сохраняются и в зарубежной практике. В частности, в рамках систем, при выработке решения судом в которых господствующая сила принадлежит прецеденту, сохраняются некоторая непоследовательность рассмотрения электронной информации в качестве доказательств. Преобладающая сила широкого толкования сущности электронных доказательств, по сути приравниваемая к «документам» в целом, не позволяет достоверно определить природу рассматриваемых доказательства, и порождает существенные проблемы правоприменительной практики.

3.2 Проблемы и направления совершенствования правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе

Развитие информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, развитие практики использования электронных доказательств как средств доказывания в гражданском процессе предопределяет необходимость формирования новых законодательных подходов к регулированию данных вопросов. Обобщение правоприменительной практики позволило выделить ряд наиболее значимых проблем в организации процессуальной деятельности по собиранию, исследованию и оценке электронных доказательств.

Во-первых, обращает на себя внимание сама неопределенность статуса электронных доказательств. С одной стороны, ГК РФ определил сведения об электронном документе применительно к письменной форме договоров. С другой стороны, как показал анализ теоретической литературы и правоприменительной практики, использование электронных доказательств бывает сопряжено также с обозначением их вещной природы, когда исследованию подлежит не содержимое, а физические параметры или, например, в случае представления поддельных документов объектов исследования становится не только их содержание, но и способ изготовления.

В целях оптимизации правового регулирования представляется целесообразным сформулировать в законе неисчерпывающий перечень электронных доказательств, предусматривающий их определение путем перечисления в аналогии с письменными доказательствами.

Во-вторых, изучение судебной практики свидетельствует о наличии некоторых требований, которые предъявляются к электронным доказательствам, однако фактическая реализация отдельных из них бывает существенно затруднена.

Для исследования в судебном заседании доказательств в электронной форме предполагается реализация требования о доступности их восприятия каждому лицу, участвующему в этом заседании. Однако материально-техническое оснащение залов судебных заседаний не всегда позволяет его реализовать, в то же время, встает вопрос об эффективности реализации.

Например, в случае исследования аудио- и видеозаписей они должны быть воспроизведены на мониторе таким образом, чтобы каждая сторона могла с ними ознакомиться, а при необходимости – обратить внимание суда на отдельных фрагмент.

Сторонам должна быть также обеспечена возможность ознакомиться с письменными электронными доказательствами, которые не могут быть представлены в суд в распечатанном виде. Это требует изменения правил подготовки к судебному заседанию. Нужны правила, позволяющие фиксировать ход исследования аудио-, видеозаписей или письменных доказательств в сети «Интернет» в судебном заседании при ведении аудиопотоколирования, т. е. какие-то фразы должны быть проговорены, чтобы в аудиозаписи, которую ведет суд, оставалось зафиксированным, что именно осматривалось, оглашалось, воспроизводилось на экране компьютера.

В этом вопросе обращает на себя внимание практика Европейского Союза, где, с одной стороны, подчеркивается необходимость поощрения передачи электронных доказательств с помощью электронных средств и, с другой стороны, определяются необходимость сбора, структурирования и управления электронными доказательствами таким образом, чтобы облегчить их передачу в другие суды, в частности в апелляционный суд.

В случае, если исследованию подлежат доказательства, происходящие из сети «Интернет», либо из электронных баз данных, то стороны судебного заседания также должны иметь возможность ознакомиться с тем, где эта информация размещена, ее содержимое с целью гарантии подлинности и защиты ее от искажения. Отметим, что решение этой задачи также зачастую сталкивается с проблемами материально-технического оснащения.

Соответствие признаку определения автора документа в гражданском процессе как базовое условие признания допустимости таких доказательств также зачастую вызывает ряд вопросов. Так, проблемный характер процесса

собираения, представления и исследования электронных доказательств в гражданском процессе зачастую обуславливают ситуации, при которых ответчик выступает инкогнито, то есть установить его личность невозможно.

Анализ ст. 152 ГК РФ, ст. 56 ГПК РФ, а также разъяснений, содержащихся в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» и преамбулы к Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016)[56] свидетельствует о необходимости стороне истца в делах о диффамации, наряду с иными обстоятельствами, нести бремя доказывания фактов распространения ответчиком оспариваемых сведений.

Однако проблемный контур в этом вопросе определен возможностью сокрытия соответствующих данных с помощью специальных программ. Сегодня актуальной видится проработка новых организационно-правовых механизмов упрощения данной процедуры. В данном вопросе целесообразным видится указать на опыт Австралии и ЕС, где, в частности, разработаны достаточно взвешенные механизмы исследования метаданных, способствующих раскрытию информации об авторе, происхождении или истории конкретного доказательства.

Также следует указать на ряд проблем, связанных с оценкой целостности электронных доказательств. Как правило, такие проверки осуществляются в рамках соответствующей компьютерно-технической экспертизы, однако нередки случаи, когда возможность исследования отсутствует или игнорируется судом, что в конечном счете ведет к нарушению права истца на полное и всестороннее исследование представленных доказательств. Открытыми остаются вопросы о возможности верификации информации, которая поступает в электронном виде, проверка ее достоверности и, соответственно доказательственной силы.

Наконец, значительная часть вопросов связана с реализацией и исследованием такого свойства электронного доказательства, как контролепригодность.

Однако центральная проблема в создании и привлечении подобного рода доказательств, призванных обеспечить контролепригодность, состоит в отсутствии надлежащего правового регулирования действий нотариуса при составлении протокола осмотра Интернет-страниц. Анализ содержания Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[60], а также Регламента совершения нотариусами нотариальных действий[54] указывает на отсутствие соответствующих правовых стандартов составления протокола осмотра интернет-страницы. В текущем периоде очевидна задача по упорядочению соответствующих норм составления протокола осмотра интернет-страницы нотариусом. Обращение к зарубежной практике показывает, что сегодня процедура аутентификации представленных доказательств неуклонно упрощается. Так, например, в Германии частный электронный документ с квалифицированной электронной подписью имеет ту же доказательную ценность, что и частный документ, который был подписан эмитентом или нотариально заверен. В США с 2017 года введены положения об обеспечении самоаутентификации для таких элементов, как запись, сгенерированная электронным процессом или системой, которая дает точный результат, что подтверждается сертификацией квалифицированного лица. Также на сегодняшний день достаточно сложный механизм оценки имеют электронные доказательства, рассматриваемые в качестве вещественных доказательств. Законодательством определено, что способом исследования вещественных доказательств является их осмотр. Вместе с тем, содержание такого осмотра для электронных доказательств отличается от классического осмотра доказательств. В данном случае важен момент восприятия зафиксированной электронной информации, то есть оценке подлежит не предмет как таковой, а то содержание, которое он в себе закрепил. В законодательстве США можно проследить прямое разделение

доказательств на письменные и вещественные, что позволяет более системно использовать различные подходы к исследованию представленных материалов.

Обращает на себя внимание также вопрос о допустимости отдельных видов доказательств. Изучение правоприменительной практики указывает на то, что в гражданском процессе в качестве допустимых доказательств может быть приведена информация, полученная из электронных баз данных – государственных реестров информации, размещенных в сети Интернет, однако лишь до тех пор, пока они не опровергнута иными доказательствами. Иной подход к решению вопроса выработан, например, в США, где предполагается обязательное обеспечение достоверности информации, опубликованной на сайте органа государственной власти, при этом также создан специальный организационный механизм, включающий предварительную специальную защитной обработку размещаемых документов в программной системе. Данный подход позволяет рассматривать электронные доказательства, основу которых составляет информация с сайтов органов государственных власти, всегда рассматривать в качестве допустимых. Таким образом, анализ теоретической литературы и судебной практики указывает на существования ряда проблем в использовании электронных доказательств в гражданском процессе в Российской Федерации. Обобщение ключевых из них позволяет сформулировать аргументы в пользу упорядочения сложившейся системы правового регулирования вопросов собирания, представления, исследования электронных доказательств. Обзор зарубежной практики свидетельствует о формировании широкого подхода к определению сущности электронных доказательств. Думается, что в текущем периоде целесообразно на законодательном уровне решить вопрос о недопустимости отказа от принятия доказательств, ввиду отсутствия у суда технических ресурсов для воспроизведения доказательств в суде. В то же время, важно обеспечить единство требований к доказательствам подобного рода, в связи с чем

необходимо разработать стандарт, устанавливающий четкие критерии допустимости и надежности электронных доказательств.

Заключение

Значительный прогресс в части развития информационно-коммуникационных технологий оказал существенное влияние на трансформацию многих сфер общественной жизни, включая эволюцию средств доказывания в гражданском процессе. Возникновение новых способов фиксации информации и потенциальная возможность их использования в качестве доказательственной базы при реализации права на защиту собственных прав обуславливает необходимость пересмотра сложившихся подходов к нормативно-правовому регулированию использования соответствующих доказательств.

Исследование общих теоретических основ доказывания в гражданском процессе позволило сделать вывод об актуальности рассматриваемой проблемы в современной юридической теории и практике в связи с тем, что ни одно гражданское дело не может быть разрешено без доказывания. Вместе с тем, обобщение подходов к определению сущности доказывания и доказательств в гражданском процессе указывает на существование некоторой дифференции в части определения базовых целей и функций доказывания как центрального процесса в современном судопроизводстве.

Рассмотрение ключевых подходов к классификации доказательств позволило одновременно указать на дискуссионность вопроса об идентификации соответствующего места некоторых видов доказательств в сложившейся структуре. Более того, нерешенным оказывается и вопрос определения базовых юридических характеристик для таких видов доказательств, что не позволяет однозначно ответить на вопрос об их допустимости в гражданском процессе. Использование типовых параметров, среди которых – относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств, безусловно, является обязательным требованием, однако особый характер таких доказательств определяет необходимость учета его специфики.

Обращение к вопросу исследования правовой природы электронных доказательств позволило сделать вывод об отсутствии унифицированного подхода к данному вопросу. Обобщение подходов к определению правовой природы электронных доказательств указывает на существование четырех различных подходов к определению их сущности: как письменные доказательства; как вещественные доказательства; как самостоятельное средство доказывания; как комплексный объект со смешанной правовой природой.

Вместе с тем, комплексный анализ судебной практики позволил сделать вывод о неготовности судебной системы адекватно реагировать на новые условия развития современного общества в процессе повсеместной информатизации. Многогранный характер электронных доказательств обуславливает особенности процессуальной деятельности по собиранию, представлению и исследованию соответствующих доказательств. В частности, были выявлены общие требования к представлению электронных доказательств, среди которых доступность в понимании, возможность идентификации, целостность, а также контролепригодность электронных доказательств.

В свою очередь, рассмотрение правоприменительной практики в части определения особенностей оценки электронных доказательств позволило сделать вывод о существовании некоторой ситуативности при решении вопроса о допустимости или недопустимости доказательств на электронных носителях происходит в зависимости от обстоятельств дела. Обращает на себя внимание также то, что в числе основополагающих принципов осуществления правосудия по гражданским делам, является обеспечение состязательности процесса.

Обобщение зарубежных практик правового регулирования вопросов представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе позволяет указать на различный уровень нормативно-правовой регламентации процессов использования данного вида доказательств

в национальных системах правосудия. Несмотря на существование определенного спектра проблем, автором, прежде всего, были систематизированы особенности, которые могут служить основой для формирования решений о дальнейшем развитии отечественной системы нормативно-правового регулирования вопросов использования электронных доказательств в гражданском процессе.

В рамках обобщения ключевых проблемы правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе в России определена необходимость формирования неисчерпывающего перечня электронных доказательств, предусматривающего их определение путем перечисления в аналогии с письменными доказательствами. Также автором указывается на необходимость стандартизации требований к доказательствам данного рода, а также процедур, связанных с их представлением, исследованием и оценкой, включая правовое регулирование вопросов заверения и необходимости аутентификации электронных доказательств.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акопян А.В. Соотношение принципа поиска истины по делу и обоснованности судебного решения в гражданском процессе на примере института оценки письменных доказательств (документов и их копий) // Вестник ВУиТ. 2019. №2. С. 95-105.
2. Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 274-286.
3. Бабарыкина О.В. О структуре дополнительной классификации доказательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 7. С. 31-35.
4. Балашов А.Н., Ефремова Н.Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 8-12.
5. Балашов А.Н., Лейканд Е.А. Проблемы использования электронных доказательств в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 30-33.
6. Бегичев А.В. Использование протоколов осмотров интернет-сайтов в судебной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №11. С. 208-212.
7. Белоусова Н.Н., Токарева О.С. Цель судебного доказывания в состязательном гражданском процессе // Сибирский юридический вестник. 2018. №4. С. 113-117.
8. Бессонова Т.В., Михайлова Е.В. Проблемы определения предмета доказывания в гражданском процессе // ВЭПС. 2019. №2. С. 39-42.
9. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Издательство «Проспект», 2015. – 616 с.
10. Борискина Н.И. Нетрадиционные доказательства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 2.

С. 19-23.

11. Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 354-361.

12. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

13. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М.: Городец, 2000. – 247 с.

14. Власов А.А. Вещественные доказательства в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1988. - 24 с.

15. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. – 32 с.

16. Голубцов В.Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 379 - 387.

17. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 21 с.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 08 июля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Гражданский процесс в 2 т: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. А. Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 553 с.

20. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / под ред. В. В. Яркова. – М.: Статут, 2017. – 720 с.

21. Гражданский процесс. Учебник / под ред.: Юдельсон К.С. – М.: Юрид. лит., 1972. – 440 с.
22. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Гражданское право и процесс. Избранные труды / отв. редактор Ю. В. Байгушева. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 1125 с.
24. Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 55-75.
25. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 227.
26. Дерябина А.С. Исследование и оценка доказательств в арбитражном процессе // Наука и образование сегодня. 2018. №8 (31). С. 26-28.
27. Ершова Н.В. Проверка достоверности заявлений о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 206 с.
28. Жижина М.В. Документ как носитель доказательственной информации в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 43-48.
29. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 189-204.
30. Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 205-222.
31. Захаренко В.В. Проблема представления электронного документа

в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник науки и образования. 2018. №7 (43). URL: С. 56-61.

32. Зубович М.М., Томбулова Е.Г., Шкурова П.Д. Недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2019. №3. С. 75-80.

33. Информационная справка, подготовленная по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по некоторым вопросам, возникающим при оценке доказательств, содержащих информацию, размещенную в сети Интернет (утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14 сентября 2017 г. № СП-23/24).

34. Иск в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для вузов / под ред. О. В. Исаенковой. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 189 с.

35. Козлов А.С. Доказательства, необходимые для разрешения гражданско-правовых споров // Советская юстиция. 1979. № 2.

36. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / В.В. Аргунов, Т.А. Арчугова, А.В. Бегичев и др.; под ред. К.А. Корсика. – М.: Фонд развития правовой культуры, 2018. – 560 с.

37. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др. – Москва: Статут, 2020. – 1071 с.

38. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. № 144.

39. Котлярова В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 37-42.

40. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. – М.: Статут, 2014. – 496 с.
41. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др. – М.: Статут, 2019. – 656 с.
42. Курылев С.В. Избранные труды. – Минск: издательство «Промышленно-торговое право», 2012. – 607 с.
43. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 418 с.
44. Нахова Е.А. Предмет доказывания в цивилистической процессуальной доктрине и судебной практике // Вестник гражданского процесса. 2017. № 1. С. 49 - 70.
45. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 81-90.
46. Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. №4 (42). С. 301-312.
47. Никиташина Н.А., Марьясов К.В. Электронные доказательства в цивилистическом процессе // Сибирский юридический вестник. 2021. №1 (92). С. 74-79.
48. О банках и банковской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в ред. от 27 декабря 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
49. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
50. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству:

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 (в ред. от 09 февраля 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

51. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

52. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

53. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 02 июля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

54. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: Приказ Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156 (в ред. от 30 сентября 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

55. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

56. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

57. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз. 1984. – 797 с.

58. Определение ВС РФ от 24 февраля 2015 г. № 302-ЭС14-9061. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

59. Осипов Ю.К. Косвенные доказательства в советском гражданском процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1954. – 189 с.
60. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (в ред. от 02 июля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
61. Пастухов П.С. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 479-488.
62. Погосян Е.В. Доказательственная сила нотариальных актов // Нотариус. 2018. № 5. С. 35-37.
63. Прохоров А.Г. Принцип допустимости средств доказывания в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. – 32 с.
64. Решение № 2-1023/2019 2-1023/2019~М-1089/2019 М-1089/2019 от 24 сентября 2019 г. по делу № 2-1023/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rXpQ4Da2toYv/> (дата обращения: 18.06.2021).
65. Решение № 2-1362/2019 2-1362/2019~М-1388/2019 М-1388/2019 от 21 ноября 2019 г. по делу № 2-1362/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9yLLiBs8JyYx/> (дата обращения: 18.06.2021).
66. Решение № 2-2123/2019 2-2123/2019~М-1708/2019 М-1708/2019 от 23 мая 2019 г. по делу № 2-2123/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bx0W7G0bVILa/> (дата обращения: 18.06.2021).
67. Решение № 2-2289/2018 2-2289/2018~М-1956/2018 М-1956/2018 от 23 июля 2018 г. по делу № 2-2289/2018 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fl77rU1IEabR/> (дата обращения: 18.06.2021).
68. Решение № 2-578/2019 2-578/2019~М-508/2019 М-508/2019 от 27

августа 2019 г. по делу № 2-578/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dOLEpfUHmSUd/> (дата обращения: 18.06.2021).

69. Решение № 2-689/2019 2-7838/2018 от 25 февраля 2019 г. по делу № 2-689/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1BKc4AAms6YW/> (дата обращения: 18.06.2021).

70. Решение № 2-8058/2019 2-8058/2019~М-7332/2019 М-7332/2019 от 25 сентября 2019 г. по делу № 2-8058/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4zTTYwVhxZ6/> (дата обращения: 18.06.2021).

71. Решение Суда по интеллектуальным правам от 08 февраля 2017 г. по делу № СИП-642/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

72. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 388 с.

73. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – М.: Статут, 2019. – 510 с.

74. Саенко Л.В. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 265 с.

75. Салманидина А.С. Оценка доказательств в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2019. №12. С. 31 - 33.

76. Седельникова Д.В. Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. №2 (13). С. 31-34.

77. Смольников Д.И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2015. - 221 с.

78. Соколова Н.В., Суханов Д.А. Доказательства в гражданском и арбитражном процессах: некоторые проблемные аспекты использования

новых средств доказывания и определения их правового статуса // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. №1 (25). С. 92-97.

79. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 496 с.

80. Сухорукова О.А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект: монография. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 149 с.

81. Треушников М.К. Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе. М.: Юрид. лит., 1981. – 228 с.

82. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. – М.: Госюриздат, 1960. – 176 с.

83. Хосият М.М. Некоторые вопросы допустимости электронных доказательств // ОИИ. 2021. №1. С. 256-264.

84. Черепанов В.А. Доказательства и доказывание в гражданском процессе Гонконга, Сингапура и Малайзии: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. – 28 с.

85. Шелепина Е.А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 31-39.

86. Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16 - 17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др. – М.: Статут, 2016. – 448 с.

87. Canada Evidence Act (R.S.C., 1985, с. C-5). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-5/page-1.html> (дата обращения: 07.07.2021).

88. Civil Code (France, 1975). URL: <https://rm.coe.int/guidelines-on-electronic-evidence-and-explanatory-memorandum/1680968ab5> (дата обращения: 07.07.2021).

89. Code of Civil Procedure (Germany, 1980). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html (дата обращения: 07.07.2021).

90. Electronic Communications and Transactions Act № 25, 2002. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a25-02.pdf (дата обращения: 07.07.2021).

91. Electronic evidence in civil and administrative proceedings: Guidelines and explanatory memorandum // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/guidelines-on-electronic-evidence-and-explanatory-memorandum/1680968ab5> (дата обращения: 07.07.2021).

92. Electronic evidence in criminal and civil proceedings: admissibility and related issues: Project 126: review of the law of evidence. URL: https://www.justice.gov.za/salrc/ipapers/ip27_pr126_2010.pdf (дата обращения: 07.07.2021).

93. Electronic Legal Material Act. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=02061119-7070-4806-8841-d36afc18ff21> (дата обращения: 07.07.2021).

94. Evidence (Special Provisions) Act № 14 of 1995. URL: <http://www.customs.gov.lk/public/uploads/dopls/DOPL255.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).

95. Evidence Ordinance. URL: <https://www.lawnet.gov.lk/evidence-ordinance/> (дата обращения: 07.07.2021).

96. Federal Rules of Civil Procedure (USA) Fed. R. Civ. P, § r 34(a)(1)(A) (Cornell University Law School, 2010). URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp> (дата обращения: 07.07.2021).

97. Federal Rules of Evidence (1975). URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (дата обращения: 07.07.2021).

98. Phaestos Ltd v Ho [2012] EWHC 2756 (QB). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2012/2756.html> (дата обращения: 07.07.2021).

99. Stanfield, A.R. The authentication of electronic evidence. – Queensland University of Technology, 2016. URL:

https://eprints.qut.edu.au/93021/1/Allison_Stanfield_Thesis.pdf (датаобращения: 07.07.2021).

100. TLC Consulting Services Pty Ltd v Paul Michael White [2003] QCA 131 (21 March 2003). URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/cases/qld/QCA/2003/131.html> (дата обращения: 07.07.2021).

101. Uniform Civil Procedure Rules 2005 (Eng) part 31. URL: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_reg/ucpr2005305/ (датаобращения: 07.07.2021).

102. U.S. Code Chapter 96 – Electronic signatures in global and national commerce. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp> (датаобращения: 07.07.2021).